

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР, ПЕРЕВЕДЕННЫЙ
БОЛЕЕ ЧЕМ НА 30 ЯЗЫКОВ МИРА!

Увлекательная, откровенная книга
о двух сильных женщинах, сумевших
сохранить свой дух и свое сердце.

Publishers Weekly

ПОЕЗД СИРОТ

Кристина Бейкер
Клайн

Азбука-бестселлер

Кристина Клайн

Поезд сирот

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клайн К. Б.

Поезд сирот / К. Б. Клайн — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-18789-4

Кристина Бейкер Клайн – американская писательница, автор нескольких романов, а также произведений, написанных в жанре non-fiction. Роман «Поезд сирот» (2013), который принес ей известность и стал бестселлером, основан на реальных событиях в истории Америки. В 1854–1929 годах, чтобы решить проблему беспризорников, наводнивших Нью-Йорк и другие города Восточного побережья, детей-сирот собирали на поезда и отправляли на Средний Запад, где им подбирали приемные семьи. Для кого-то из более чем двухсот тысяч детей, оторванных от своих корней, усыновление было спасением от нищеты и невзгод, но для кого-то оно оборачивалось домашним рабством. Главная героиня романа, девятилетняя Вивиан, в детстве была пассажиром такого поезда. Ей трудно вспоминать давнее прошлое и еще труднее примириться с ним. И только знакомство с семнадцатилетней Молли – сиротой, трудным подростком – помогает Вивиан наконец исцелить душевные раны. Стремление сохранить принадлежность к своей семейной истории, чувство собственного достоинства, стойкий характер удивительным образом сближают двух героинь этого захватывающего и проникновенного романа, который стал откровением не только для американцев, но и для читателей в 30 странах мира.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18789-4

© Клайн К. Б., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	7
Спрус-Харбор, штат Мэн	8
Спрус-Харбор, штат Мэн	14
Нью-Йорк	19
Нью-Йорк	22
Нью-Йорк, Центральный вокзал	27
Вокзал «Юнион», Чикаго	31
Спрус-Харбор, штат Мэн	35
Спрус-Харбор, штат Мэн	37
Поезд в Милуоки	41
Вокзал Милуоки, Миннеаполис	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кристина Бейкер Клайн

Поезд сирот

Кристине Лупер Бейкер, давшей мне в руки нить, и Кэрол Робертсон Клайн, снабдившей меня тканью

Кочуя от одной реки к другой, вабанаки вынуждены были переносить на руках каноэ и прочий скарб. Они знали, как важно отказаться от лишнего, понимали, что некоторые вещи придется бросить. Но сильнее всего продвижение затруднял страх, и часто оказывалось, что эту ношу скинуть сложнее всего.

Банни Макбрайд. Женщины утренней зари

Christina Baker Kline

ORPHAN TRAIN

Copyright © Christina Baker Kline, 2013

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© А. В. Глебовская, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Я верю в призраков. Они не покидают нас – тех, с кем когда-то жили бок о бок. Не раз и не два я чувствовала, что они рядом: наблюдатели, свидетели – не то что живые люди, которым нет до меня никакого дела.

Мне девяносто один год, и почти все, что когда-то было частью моей жизни, теперь принадлежит миру призраков.

Иногда мне кажется, что эти фантомы реальнее людей, реальнее Бога. Они заполняют молчание своим весом, плотностью, теплотой – точно тесто, поднимающееся под полотенцем. Моя бабушка – добрые глаза, кожа присыпана тальком. Мой папа – трезвый, смешливый. Моя мама, напевающая песенку. С этих призрачных созданий будто спадает вся горечь пьянства и безысходности, и в смерти они защищают и утешают меня – чего никогда не делали в жизни.

Я уже привыкла думать, что именно это и есть рай: уголок в нашей памяти о других, где обитают их лучшие «я».

Может, мне еще повезло: в девять лет я обрела призраки лучших «я» моих родителей, а в двадцать три – призрак лучшего «я» моего возлюбленного. И сестра моя, Мейзи, всегда рядом – ангел на моем плече. В мои девять ей было полтора года, в мои двадцать – исполнилось бы тринадцать. Сейчас, в мои девяносто один, ей восемьдесят четыре – и она по-прежнему здесь, со мной.

Может, призраки и не замена живым, но мне никто не давал выбора. Либо утешаться их присутствием, либо рухнуть без сил и оплакивать все, что утрачено.

Призраки постоянно шептали мне в ухо, чтобы я не сдавалась.

Спрус-Харбор, штат Мэн 2011 год

Сквозь стену своей спальни Молли слышит, как в соседней комнате, гостиной, опекуны говорят о ней.

– На такое мы не подписывались, – заявляет Дина. – Знала бы я, что у нее столько заморочек, никогда бы не согласилась.

– Знаю, знаю.

Голос у Ральфа усталый. Молли в курсе, что это именно он подал идею об опекунстве. Давным-давно, в юности, когда он был «трудным подростком» (об этом он поведал ей без всяких обиняков), соцработница в школе включила его в программу «Большой брат», и он до сих пор твердо уверен, что именно большой брат – или ментор, как он его называет, – не дал ему окончательно сбиться с пути. Дина же с самого начала отнеслась к Молли с предубеждением. Осложнялось дело еще и тем, что до Молли на их попечении находился мальчик, который попытался устроить поджог в своей начальной школе.

– Мне и на работе стрессов хватает, – говорит Дина, возвышая голос. – Последнее, что мне нужно, – это приходить домой и там тоже вариться в дерьме.

Дина работает диспетчером в полицейском участке Спрус-Харбора; по наблюдениям Молли, стрессам там браться особо неоткуда – пьяные водители, бытовые драки, мелкие кражи, ДТП – да и то нечасто. Если уж вам приспичило стать полицейским диспетчером, вряд ли найдется на свете другое место с таким низким уровнем стресса. Но Дина – человек нервный по натуре. Заводится по малейшему поводу. Она как бы исходит из того, что все в жизни должно идти гладко, – а если что вдруг не идет (такое случается, понятное дело, довольно часто), она удивляется и с ходу лезет в бутылку.

Молли в этом смысле полная Динина противоположность. Все семнадцать лет ее жизни почти всё шло наперекосяк, и она успела к этому привыкнуть. Если что-то вдруг начинает идти гладко, она просто не знает, что думать.

Как, например, с Джеком. Когда в прошлом году ее перевели в школу «Маунтдезертайленд», в десятый класс, почти все одноклассники начали подчеркнуто ее избегать. У всех у них были свои друзья, свои компании – а она никуда не вписывалась. Впрочем, надо признать, она и сама не выглядела белой и пушистой: давно убедилась на собственном опыте, что лучше быть крутой и странноватой, чем слюнявой и уязвимой, – и свой готский прикид носит как броню. Единственным, кто попытался до нее достучаться, был Джек. Случилось это в середине октября, на обществоведении. Когда их попросили разбиться на пары, чтобы выполнить задание, Молли, как всегда, оказалась одна. Джек пригласил ее присоединиться к их паре – к нему и Джоди, которая, судя по всему, мягко говоря, не обрадовалась. Все пятьдесят минут до конца урока Молли напоминала кошку с выгнутой спиной. С чего это он решил к ней подлизаться? Чего ему от нее надо? Он что, из тех парней, которым нравятся чокнутые девчонки? В любом случае ничего ему не обломится. Она стояла к нему спиной, сложив руки на груди, сторбившись, – жесткие темные волосы падали на глаза. Когда Джек задавал ей вопросы, она хмыкала и пожимала плечами, хотя за ходом дела следила и свою часть задания выполняла. «Странная она совсем, – донеслись до нее слова Джоди, когда после звонка все выходили из класса, – у меня аж мурашки по коже». Молли обернулась, поймала взгляд Джека – и он неожиданно улыбнулся. «А по-моему, классная девчонка», – произнес он, не отрывая от нее глаз. Впервые с поступления в эту школу она не выдержала – и улыбнулась в ответ.

За следующие месяцы Молли кое-что узнала о прошлом Джека. Отец его был сезонным рабочим из Доминиканской Республики – с мамой его он познакомился на сборе ежевики

в Черрифилде, обрюхатил ее, двинул к себе домой, сошелся с местной девицей и забыл о Джеке навек. Его мать так и не вышла замуж, работала у богатой старухи в особняке у моря. Джеку бы тоже полагалось стать маргиналом, но он этого избежал. И спасли его следующие вещи: безусловный успех на футбольном поле, обаятельная улыбка, огромные, с влажной поволокой глаза и до смешного длинные ресницы. Он упорно отказывается относиться к самому себе всерьез, но Молли-то знает, что он умнее, чем показывает, – может, и вообще не знает, насколько он умен.

На то, что он толковый футболист, Молли наплевать, а вот ум она уважает (глаза с поволокой – лишь приятное приложение). Ее же собственное любопытство полностью сосредоточено на одной вещи – которая, собственно, и удерживает ее от того, чтобы броситься на рельсы. Поскольку она гот, «нормального» поведения от нее все равно не ждут, так что странности можно проявлять в чем угодно. И Молли постоянно читает – в коридорах, в столовой; в основном – романы со «сдвинутыми» персонажами: «Девственницы-самоубийцы»¹, «Над пропастью во ржи», «Под стеклянным колпаком»². Незнакомые слова она выписывает в тетрадку, потому что ей нравится, как они звучат: *Греховодница. Двоедушный. Оберег. Вдовствующая. Разбредивший. Душераздирающий...*

Поначалу Молли полностью устраивало, что ее образ создает дистанцию между ней и новым для нее коллективом, ей нравились настороженность и недоверие в глазах одноклассников. И все же, хотя сознаваться в этом и не хотелось, в последнее время образ начал ей мешать. На то, чтобы его поддерживать, каждое утро уходила уйма времени, и ритуалы, которые некогда были нагружены особым смыслом: выкрасить волосы в черный цвет с розовыми или белыми прядками, обвести глаза толстой черной чертой, наложить тональный крем на несколько оттенков светлее собственной кожи, нацепить и застегнуть всякие неудобные одежки, – теперь стали ее раздражать. Она чувствует себя клоуном, который проснулся однажды утром и понял, что не хочет больше наклеивать красный резиновый нос. Большинству людей не приходится тратить столько сил, чтобы оставаться в выбранной роли. А она что, каторжная? Молли даже начала помышлять о том, что на новом месте – потому что, разумеется, будет следующее место, следующая приемная семья, следующая школа – она придумает другой образ, не требующий таких трудовозатрат. Гранж? Секс-бомба?

Вероятность того, что это произойдет, причем очень скоро, усиливается с каждой минутой. Дина уже давно мечтает избавиться от Молли, а теперь у нее появился удобный предлог. Ральф всегда строил свою систему защиты на поведении Молли: он, как мог, убеждал Дину, что под дикой прической и боевой раскраской таится милое дитя. Так вот, рассыпалась его система защиты.

Молли встает на четвереньки, откидывает вышитый краешек покрывала и вытаскивает две большие дорожные сумки – Ральф купил их ей на распродаже в «Л. Л. Бин»-овском аутлете в Элсворте (на красной вышито «Брейден», на оранжевой в яркий цветочек – «Эшли»: почему на них никто не клюнул – из-за расцветки или из-за этих дурацких имен, выведенных белой ниткой, – Молли неведомо). Открывает верхний ящик комода – и тут телефон начинает выбивать под одеялом дробь, а потом жестяным голосом вызванивает «Импакто» Дэдди Янки. «Чтоб ты знала, что это я, и взяла, блин, трубку», – сказал Джек, когда купил ей этот рингтон.

– Ола, ми амиго³, – говорит она, наконец отыскав телефон.

¹ «Девственницы-самоубийцы» (1993) – роман американского писателя Джеффри Евгенидиса о сестрах из маленького городка, сговорившихся покончить с собой. (Здесь и далее примеч. перев.)

² «Под стеклянным колпаком» (1963) – автобиографический роман американской писательницы и поэтессы Сильвии Плат, повествующий о ее первой попытке самоубийства. Роман был опубликован только после того, как вторая попытка оказалась успешной.

³ Привет, дружище (исп.).

– Салют, как жизнь, чика?⁴

– Так себе. Дина не в духе.

– Правда?

– Правда. Дело серьезно.

– Насколько серьезно?

– Ну, похоже, меня отсюда вот-вот вышибут.

Она чувствует, как перехватывает дыхание. Ей самой удивительно – ведь уже и не упомянешь, сколько раз это случилось раньше, в разных вариациях.

– Да не, – говорит он. – Не думаю.

– Угу, – возражает она, вытягивая из ящика стопку носков и трусов и закидывая их в «Брейдена». – Они прямо сейчас об этом и говорят.

– Но тебе же присудили сколько-то часов общественных работ.

– Не сложится. – Она достает ожерелье с брелоками, кучкой лежащее в ящике на самом верху, перекачивает золотую цепочку между пальцами, пытаясь ослабить узел. – Дина говорит – меня никто не возьмет. Я не заслуживаю доверия. – Узел расходится под большим пальцем, она тянет концы в разные стороны. – Да ладно. Говорят, в тюрьме для подростков не так уж плохо. И всего-то несколько месяцев.

– Но... ты же не крала эту книгу.

Зажав телефон между ухом и шеей, она надевает цепочку, нашаривает застежку, смотрит в зеркало над комодом. Черная тушь под глазами размазана – ну чистый футболист.

– Я ведь прав, Молли?

Дело в том, что – книгу она действительно ukrала. Вернее, попыталась. Свой любимый роман, «Джейн Эйр», – ей очень хотелось собственный экземпляр, в полное свое распоряжение. В магазине Шермана в Бар-Харборе книжки не было, а попросить продавца заказать ее специально она не решилась. Через интернет не купишь – Дина ни за что не дала бы ей номер своей кредитки. А ей никогда ничего не хотелось так сильно. (Ну, вернее... уже давно не хотелось.) И вот стоит она на коленях в библиотеке перед узкими стеллажами с художественной литературой, а на полке прямо перед ней – три экземпляра романа, два в мягкой обложке, один – в твердой. Экземпляр в твердой обложке она уже брала дважды на свой абонемент. А сейчас сняла с полки все три томика, взвесила на руке. Поставила тот, что в твердом переплете, на место – рядом с «Кодом да Винчи». Бумажную обложку, ту, что поновее, тоже потом вернула на полку.

Тот экземпляр, который она засунула за пояс джинсов, был старым, обтерханным – пожелтевшие страницы, целые абзацы подчеркнуты карандашом. Клей на дешевой обложке пересох, она почти отвалилась. Попади эта книжка на ежегодную распродажу библиотечных излишков, вряд ли бы ее оценили больше чем в десять центов. Молли решила: да никто ее и не хватится. Ведь есть целых два экземпляра поновее. Однако в библиотеке недавно установили электронную систему предотвращения краж, и несколькими месяцами раньше четыре волонтеры, дамы понятного возраста, которые отдавали библиотеке Спрус-Харбора все свои силы, потратили несколько недель на то, чтобы приклеить магнитные полоски к внутренней стороне обложки каждой из одиннадцати тысяч книг. И в тот день, когда Молли выходила, – понятия не имея, что выходит через специальные ворота, – громкий настойчивый писк переполошил старшую библиотекарьшу Сюзан Леблан, и она спикировала на Молли, как почтовый голубь.

Молли даже не отпиралась – вернее, попыталась поначалу извернуться: мол, хотела взять книгу почитать. Однако Сюзан Леблан переубедить не удалось.

– Не оскорбляй меня, ради Христа, своим враньем, – сказала она. – Я за тобой следила. Так и знала, что ты что-нибудь натворишь.

---

⁴ Дорогуша (исп.).

И вот ведь кошмар и ужас – ее предположения оказались истинными! А ей так хотелось хотя бы раз ошибиться в хорошую сторону.

– Да, паршиво. Что, оно правда так? – Джек вздыхает.

Глядя в зеркало, Молли проводит пальцем по брелокам на шее. Теперь она редко носит это ожерелье, однако всякий раз, как в жизни нечто происходит и становится ясно, что скоро опять переезжать, ее тянет его надеть. Цепочку она купила в магазине уцененных товаров «Марден» в Элсворте и прикрепила к ней три своих брелока: сине-зеленую эмалевую рыбку, латунного ворона и крошечного бурого медведя – папа подарил их ей на восьмой день рождения. Через несколько недель он погиб в автомобильной аварии: ехал на большой скорости ночью по обледеневшему шоссе И-95, слетел в кювет и перевернулся, после чего мама Молли, двадцати трех лет от роду, покатила по наклонной – и выбраться не сумела. К следующему своему дню рождения Молли уже жила в другой семье, а мама отбывала срок. Эти брелоки – все, что осталось у нее от прежней жизни.

Джек – отличный парень. Но она ждала такого развития событий. Рано или поздно он, как и все остальные – соцработники, учителя, опекуны, наестся до отвала, почувствует, что его надули, что от Молли куда больше бед, чем радости. Да, ей очень хочется хорошо к нему относиться, и она очень искусно делает перед ним соответствующий вид, а на деле не позволяет себе расслабиться. Нет, она не то чтобы притворяется, но никогда не раскрывается до конца. Она давно уже выяснила, что может сдерживать свои чувства: нужно только представить, что грудная клетка – это огромный ящик, запирающийся на прочный замок. Она приоткрывает ящик, запикивает туда чувства, с которыми не сладить, непокорную грусть или сожаления, а потом с грохотом опускает крышку.

Вон Ральф тоже попытался разглядеть в ней что-то хорошее. Такой уж он по натуре: видит хорошее даже там, где его нет. И хотя Молли некоторым образом признательна ему за эту его веру, полностью ему доверять она не может. В определенном смысле с Диной даже проще: та вообще не пытается скрыть свое недовольство. Проще сразу решить для себя: этот человек меня недолюбливает, чем потом лишний раз разочаровываться.

– «Джейн Эйр»? – говорит Джек.

– Какая разница!

– Я бы купил тебе эту книжку.

– А, ну да.

Даже теперь, влипнув по самые уши и, вероятно, наравшись на новый переезд, она знает, что никогда не стала бы просить Джека купить ей эту книгу. Во всей системе опекуинства сильнее всего она ненавидит именно это – зависимость от едва знакомых людей, беззащитность перед любыми их прихотями. Она приучила себя ничего ни от кого не ждать. О днях ее рождения часто забывают; во время каникул думают про нее в последнюю очередь. Она привыкла обходиться тем, что есть, а то, что есть, – далеко не всегда то, что ей нужно.

– До чего, блин, упертая! – говорит Джек, будто бы разгадав ее мысли. – Сама видишь, во что в результате вляпалась.

В дверь стучат твердой рукой. Она прижимает телефон к груди и смотрит, как поворачивается дверная ручка. Вот еще одна прелесть такой жизни: никакого замка, никакой возможности уединиться.

Дина всовывает голову в дверь – губы, выкрашенные розовой помадой, сжаты в тонкую линию.

– Нам необходимо поговорить.

– Хорошо. Сейчас закончу по телефону.

– С кем ты говоришь?

Молли отвечает не сразу. Разве она обязана? Да пошло оно все.

– С Джеком.

Дина морщится.

– побыстрее. Не до утра же тебя ждать.

– Я сейчас. – Пристально глядя на Дину, Молли ждет, пока голова не скроется за дверью, потом снова подносит телефон к уху: – Пожарным пора на выезд.

– Стой, стой, погоди, – останавливает Джек. – У меня есть одна идея. Правда, довольно... бредовая.

– Ну, – говорит она хмуро. – А то мне идти надо.

– Я поговорил с мамой...

– Ты что, серьезно? Ты все ей рассказал? Представляю, как она теперь ко мне относится.

– Погоди, дослушай! Во-первых, нормально она к тебе относится. А во-вторых, она переговорила с дамой, у которой убирается, и вроде бы можно устроить так, чтобы ты отработала у нее.

– Чего?

– Да.

– Но... как?

– Ну, видишь ли, хозяйки хуже моей мамочки во всем свете не сыщешь.

Молли нравится, как он это говорит: сухо, без осуждения, будто докладывает, что мама у него левша.

– А дама хочет разобрать вещи на чердаке: старые бумаги, коробки, всякую такую хрень; для мамы это как страшный сон. Вот я и предложил, чтобы это сделала ты. Пятьдесят часов на это убить – как нефиг делать.

– Стой. Ты хочешь, чтобы я разбирала чердак какой-то старушенции?

– Да. Как раз для тебя занятие, по-моему. Да ладно, я-то знаю, какая ты аккуратистка. У тебя на полке вон как все разложено. Все бумажки по папочкам. И книги, кажется, расставлены по алфавиту.

– Ты что, заметил?

– Я тебя знаю лучше, чем ты думаешь.

Молли вынуждена признать про себя, что, как бы странно это ни казалось, она любит порядок. Аккуратна до одержимости. Со всеми этими бесконечными переездами она научилась бережно относиться к своим немногочисленным пожиткам. При этом идея Джека вызывает у нее серьезные сомнения. День за днем торчать на пыльном чердаке, копаться в хламе старой карги?

С другой стороны, невелик выбор...

– Она хочет с тобой познакомиться, – говорит Джек.

– Кто?

– Вивиан Дейли. Пожилая дама. Она хочет, чтобы ты пришла...

– На собеседование? Ты хочешь сказать, что она решила устроить мне собеседование?

– В качестве первого шага, – поясняет он. – Как, согласна?

– У меня что, есть выбор?

– Есть. Посидеть в тюрьме.

– Молли! – рывкает Дина, молотя в дверь. – А ну выходи немедленно!

– Хорошо! – откликается она, а потом Джеку: – Хорошо.

– Что хорошо?

– Я согласна. Поеду, поговорю с ней. Пройду собеседование.

– Класс! – говорит он. – Да, кстати, лучше бы надеть юбку или что-нибудь... ну, сама знаешь. И снять часть сережек.

– А кольцо в носу?

– Мне лично оно очень нравится, – говорит он. – Но...

– Врубилась.

– Это только для первого раза.

– Да ладно. И, это... спасибо.

– Не благодари, это я из эгоизма, – говорит он. – Хочу, чтобы ты еще немножко здесь поболталась.

Молли открывает дверь спальни и улыбается прямо в натянутые, опасливые лица Дины и Ральфа.

– Не переживайте. Я придумала, как отработать свои часы.

Дина бросает взгляд на Ральфа, Молли мгновенно распознает его смысл – за долгие годы она научилась читать мысли опекунов.

– Но если вы решили меня вытурить, я пойму. Найду кого-нибудь другого.

– Мы не хотим тебя выгонять, – возражает Ральф, а Дина в то же время произносит:

– Это необходимо обсудить.

Они таращатся друг на друга.

– Как скажете, – говорит Молли. – Если вас не устраивает, мне пофиг.

В этот момент, пока не выветрилась позаимствованная от Джека бравада, ей действительно пофиг. Не получится – значит, не получится. Молли давно поняла, что почти все сердечные травмы, почти все предательства, которые другим достаются на протяжении целой жизни, у нее уже в прошлом. Отец умер. Мама скатилась в яму. Молли перебрасывали из рук в руки, отвергали снова и снова. Тем не менее она дышит, она спит, она растет. Просыпается каждое утро, одевается. Так что под словами «мне пофиг» она имеет в виду, что способна пережить почти все, что угодно. Вот только теперь, впервые на ее памяти, появился человек, который готов о ней позаботиться. (Нет, все-таки с ним наверняка что-то не так.)

Спрус-Харбор, штат Мэн 2011 год

Молли вдыхает полной грудью. Дом больше, чем она думала, – белый викторианский особняк с завитушками и черными ставнями. Вглядевшись через ветровое стекло, она видит, что он в безупречном состоянии, никакой ржавчины или облупившейся краски; похоже, его недавно покрасили. По всей видимости, пожилая дама кого-то нанимает, чтобы поддерживать дом в порядке, – целую армию рабочих пчел. Стоит погожее апрельское утро. Подтаявший снег и дождь разрыхлили землю, но сегодня выдался один из тех редких, почти совсем теплых дней, которые предвещают грядущее лето. Небо – ярко-синее, с большими пушистыми облаками. Из земли повсюду лезут купами крокусы.

– Так, – говорит Джек, – короче, рассказываю. Дама она симпатичная, но довольно строгая. Ну, не из тех, кто хохочет на каждом шагу. – Ставит переключатель скоростей в положение «парковка», слегка сжимает плечо Молли. – Ты, главное, кивни и улыбнись – и все будет хорошо.

– Сколько, говоришь, ей лет? – бормочет Молли.

Ей самой досадно, что она так волнуется. Какая разница-то? Ну, выжившая из ума старая крыса, которой нужна пара рабочих рук, чтобы убирать за ней дерьмо. Одна надежда, что там внутри не так паршиво и вонюче, как в домах перекупщиков краденого из телевизионных фильмов.

– Ну, не знаю, но много. Кстати, отлично выглядишь, – добавляет Джек.

Молли морщится. На ней розовая блузка от «Лэндс-энд», которую ей по такому поводу одолжила Дина.

– Я тебя вообще не узнаю, – сказала она без всякого выражения, когда Молли вышла в этой блузке из ее спальни. – Выглядишь прямо как настоящая... леди.

По просьбе Джека Молли вытащила серьгу из носа и оставила только по два «гвоздика» в каждом ухе. Да и красилась она сегодня дольше обычного: тональные кремы смешала так, чтобы лицо выглядело просто бледным, а не как у привидения, с тушью не особо усердствовала. Даже купила в аптеке светлую помаду – «влажное сияние» от «Мейбелин», тон – «лиломилый», от названия чуть животик не надорвала. Поснимала все дешевые колечки с пальцев и надела цепочку с отцовскими брелоками – вместо обычной гремучей смеси из распятий и серебряных черепов. Волосы остались черными, как и были, с белыми прядями по обе стороны лица, и ногти тоже покрашены в черный, однако сразу видно, что она предприняла все усилия, чтобы выглядеть, как выразилась Дина, «больше похожей на нормального человека».

После того как Джек отфутболил – или «отфутмоллил», по собственному выражению, ее к этой бабке, – Дина, поворчав, согласилась дать ей еще один шанс.

– Убираться у старушки? – фыркнула она. – Ну да, размечтались. Через неделю вылетит.

Молли не ждала от Дины особого доверия, да и у самой у нее были сильные сомнения. Она что, правда собирается потратить пятьдесят часов жизни на то, чтобы торчать на промозглом чердаке у вдовствующей брюзги, перебирая коробки, набитые молью, вшами и всякой прочей дрянью? В тюряге то же время наверняка придется посвятить групповой терапии (это всегда занято) и просмотру ток-шоу «Взгляд» (довольно занято). Будет компания – другие девчонки. А сейчас мало того, что дома Дина следит за каждым ее шагом, так еще эта бабулька будет делать то же самое.

Молли смотрит на часы. Стараниями Джека приехали на пять минут раньше: он уже выпихивает ее из машины.

– Помни: смотреть в глаза, – наставляет он. – И не забудь улыбнуться.

- Ладно, хватит уже меня нянчить.
- Знаешь, в чем твоя главная проблема?
- В том, что мой парень нянчится со мной, как мамочка?
- Нет. Проблема твоя в том, что ты не врубашешься: ты дошла до черты, за которой – полная задница.
- До какой еще черты? Где она? – Молли оглядывается, ерзая задницей по сиденью.
- Слушай, – он чешет подбородок, – мама ничего не сказала Вивиан про кражу и про все эти дела. Она думает, что это у тебя такое школьное задание: общественные работы.
- Хочешь сказать, она не в курсе моего преступного прошлого? Козел.
- Ай, дьябло, – говорит он, открывает дверцу и выходит.
- Ты что, со мной к ней пойдешь?
- Он захлопывает свою дверь, обходит машину сзади и открывает пассажирскую.
- Нет, просто доведу тебя до крыльца.
- Ни фига себе джентльмен выискался. – Молли вылезает. – Или ты боишься, что я сбегу?
- Если честно, и то и другое правда, – признается он.

Молли стоит перед огромной ореховой дверью, рядом с которой висит гигантский медный молоток, и колеблется. Оборачивается, смотрит на Джека, который уже вернулся в машину, нацепил наушники и листает какую-то книжку; она-то знает, что это затрепанный томик рассказов Джуну Диаса⁵, который он постоянно держит в бардачке. Молли стоит прямо, отведя назад плечи, заправляет волосы за уши, тербит воротничок блузки (когда там она в последний раз носила хоть что-то с воротником? Уж скорее с собачьим ошейником) и стучит молотком. Никакого ответа. Она стучит снова, погромче. Потом замечает слева от двери звонок и нажимает кнопку. Громкие удары гонга разносятся по дому, и через несколько минут появляется мама Джека Терри – с переполошенным видом несется к дверям. Молли всякий раз вздрагивает, видя большие карие глаза Джека на округлом, мягком лице его матери.

Джек, конечно, заверил Молли, что мама его только «за» – «ты не представляешь, сколько уже на ней висит разборка этого чертова чердака», – но Молли-то знает, что на деле все гораздо сложнее. Терри обожает своего единственного сына и ради него готова почти на все. Джеку, конечно, очень хочется думать, что Терри просто в восторге от его плана, но Молли прекрасно понимает, что Терри в это ввязалась не по своей воле.

Открыв дверь, Терри окидывает Молли пристальным взглядом.

– Ишь как ты принарядилась.

– Спасибо. Я старалась, – бормочет Молли.

Ей непонятно, то ли это Терри заставляют носить такую форму, то ли она сама оделась так тоскливо, что похоже на форму: черные брюки, громоздкие черные туфли на резиновой подошве, персикового цвета футболка, широкая, как балахон.

Следом за ней Молли идет по длинному коридору, увешанному гравюрами и написанными маслом картинами в золотых рамах; восточная ковровая дорожка под ногами скрадывает шаги. В конце коридора закрытая дверь.

Терри на миг прижимается к ней ухом, потом тихо стучит.

– Вивиан? – Приоткрывает чуть-чуть. – Девочка пришла. Молли Айр. Да, хорошо.

Широко открывает дверь в большую солнечную комнату с видом на воду – вдоль стен, от пола до потолка, книжные шкафы; мебель старинная. Старая дама, в черном кашемировом свитере с воротом под горло, сидит в эркере, в кресле с подголовником и выцветшей красной

---

⁵ *Джуну Диас* (р. 1968) – американский писатель доминиканского происхождения, пишущий в основном про жизнь иммигрантов.

обивкой, руки с выступающими венами сложены на коленях, накрытых клетчатым шерстяным пледом.

Они стоят напротив пожилой дамы, и Терри говорит:

– Молли, это миссис Дейли.

– Здравсте, – говорит Молли, протягивая руку, – так ее учил отец.

– Здравствуй. – Протянутая Молли рука сухая, прохладная. Дама сухощава, костиста, с острым носом и проницательными карими глазами, по-птичьи острыми и блестящими. Кожа у нее тонкая, почти прозрачная, волнистые седые волосы собраны в узел на затылке. По лицу рассыпаны мелкие веснушки – или это старческие пятна? По рукам и запястьям, как по географической карте, змеятся полоски вен, под глазами не счесть мелких морщинок. Молли она напоминает монашек из католической школы, которую она посещала, правда совсем недолго, в Августе (краткая остановка у неподходящих опекунов), – в чем-то они казались совсем дряхлыми, а в чем-то – неестественно молодыми. Как и у монашек, у этой дамы вид легкого превосходства, видно, что она привыкла к повиновению. «Ну а с чего бы иначе?» – думает Молли. Она действительно привыкла к повиновению.

– Ну ладно. Если понадобится – я на кухне, – говорит Терри и выходит в другую дверь.

Старушка наклоняется ближе к Молли, слегка наморщив лоб.

– Как, господи прости, получается такая штука? Полоски точно у скунса, – говорит она, проводя ладонью по собственному виску.

– М-м-м... – Молли слегка ошарашена; такого у нее еще никто никогда не спрашивал. – Сперва обесцвечиваешь, потом красишь.

– А где ты этому научилась?

– Посмотрела ролик на «Ютубе».

– На «Ютубе»?

– В интернете.

– А-а. – Старушка вскидывает подбородок. – В компьютере. Старовата я для таких глупостей.

– Я не считаю, что это глупость, компьютер изменил нашу жизнь, – заявляет Молли и тут же подобострастно улыбается, сообразив, что с ходу вступила в препирательства со своей будущей работодательницей.

– Мою – не изменил, – говорит старушка. – Полагаю, на это уходит уйма времени.

– На что?

– На то, чтобы сотворить такое с волосами.

– А-а. Да нет, не очень. Я уже довольно давно так хожу.

– А какой, прости за бестактность, у тебя естественный цвет волос?

– Да ничего страшного, – говорит Молли. – Темно-каштановый.

– А у меня – рыжий.

Молли не сразу удается сообразить, что так миссис Дейли шутит по поводу собственной седины.

– Мне нравится, что вы с ним сотворили, – парирует она. – Вам очень идет.

Старушка кивает, откидывается в кресле. Похоже, ей все это нравится. Молли чувствует, как слегка расслабляются напряженные плечи.

– Ты уж прости меня, но в моем возрасте как-то глупо говорить околичностями. Внешность у тебя несколько прихотливая. Ты из этих – как их там, готиков?

Молли не удается сдержать улыбку.

– Вроде того.

– А блузку тебе, надо думать, кто-то ссудил.

– Ну...

– И очень зря. Она тебе не идет. – Она жестом предлагает Молли сесть напротив. – Можешь называть меня Вивиан. Мне никогда не нравилось это обращение – миссис Дейли. Кроме того, я вдова.

– Сочувствую.

– Не надо. Мой муж умер восемь лет назад. Да и вообще, мне девяносто один год. В живых из моих знакомых осталось немного.

Молли не знает, как реагировать, ведь вроде бы вежливость требует говорить, что вы выглядите моложе своих лет. Она бы ни за что не дала этой даме девяносто один год; с другой стороны, сравнивать ей особо не с чем. Бабушка и дедушка по отцовской линии умерли, когда она была еще совсем маленькой; бабушка по материнской линии вообще не была замужем, и дедушку она никогда не видела. Так что помнила Молли только мамину мать, и ей было всего три года, когда та умерла от рака.

– Терри сказала, ты живешь у опекунов, – продолжает Вивиан. – Ты сирота?

– Моя мать жива, но... да, я считаю себя сиротой.

– Тем не менее фактически это не так.

– Мне кажется, если родители тебя бросили, можно называть себя как угодно.

Вивиан долго не сводит с нее глаз, будто бы раздумывая над этими словами.

– Справедливо, – говорит она наконец. – Расскажи мне про себя.

Молли всю жизнь прожила в Мэне. Ни разу не бывала за границами штата. В памяти сохранились обрывки детства, проведенного на Индейском острове⁶, – еще до того, как она попала под опеку: серые стены трейлера, в котором она жила с родителями, местный досуговый центр, обставленный припаркованными пикапами, «Сокалексис-Бинго-Палас», церковь Святой Анны. Она помнит индейскую куклу из кукурузного початка, с черными волосами, в традиционном костюме, которую держала на полке в своей комнате, хотя ей гораздо больше нравились Барби, которых перед Рождеством раздавали в досуговом центре члены благотворительных организаций. Разумеется, популярных кукол – вроде Золушки или Королевы Красоты – среди них никогда не оказывалось, одни только невезучки, подобранные на дешевых распродажах: Автобарби или Барби из Джунглей. Это не имело значения. Каким бы странным ни был у Барби наряд, облик оставался одним и тем же: невозможные ступни – прямо под каблуки-шпильки, избыточный бюст и туловище без ребер, вздернутый носик, блестящие синтетические волосы...

Вот только вряд ли Вивиан ждет от нее этого. С чего начать? Что опустить? Беда тут вот в чем: рассказ получится невеселый, а Молли успела на собственном опыте убедиться, что от таких рассказов либо шарахаются, либо отказываются верить, либо – что хуже всего – начинают ее жалеть. Это приучило ее выдавать сокращенный вариант.

– Ну, – начинает она, – по отцу я из индейцев-пенобскотов. Когда была маленькой, мы жили в резервации рядом со Старым Городом.

– А-а! Теперь понятно, откуда эти черные волосы и боевая раскраска.

Молли вздрагивает. Самой ей это в голову никогда не приходило – неужели же это правда?

В восьмом классе, а год выдался особенно тяжелый – опекуны попались озлобленные, скандальные; другие сироты в той же семье – завистливые; одноклассницы – вредные – и вот тогда она обзавелась коробкой быстро схватывающейся краски для волос от «Лореаль», черной подводкой от «Ковер герл» – и преобразилась прямо дома, в ванной. В следующие выходные подружка, работавшая в торговом центре, в секции «Клэр», помогла ей сделать пирсинг: по несколько дырок в каждом ухе, до самого хряща, заклепка в носу, кольцо в бровь (оно продержалось недолго; началось воспаление, и его пришлось снять – шрам-паутинка виден и поныне).

---

⁶ *Индейский остров* – резервация в штате Мэн, в которой проживают индейцы племени пенобскотов.

Пирсинг стал той последней соломинкой, из-за которой тогдашние опекуны вышвырнули ее из дома. То есть своего она добилась.

Молли продолжает рассказ: как погиб отец, как мать не справилась с ее воспитанием, как в результате она оказалась у Ральфа и Дины.

– Терри сказала, тебе в школе дали такое задание – общественные работы. А ей пришла в голову блестящая идея – употребить тебя на разборку моего чердака, – говорит Вивиан. – По моим понятиям, вряд ли тебе такое может понравиться; с другой стороны, не мне об этом судить.

– Хотите верьте, хотите нет, но я патологическая аккуратистка. Люблю во всем наводить порядок.

– Выходит, ты еще более странная девочка, чем кажется на первый взгляд. – Вивиан откидывается на спинку кресла, стискивает ладони. – Я хочу сказать тебе одну вещь. Следуя твоему определению, я тоже осталась сиротой примерно в таком же возрасте. Так что как минимум это нас роднит.

Молли не знает, как на это реагировать. Вивиан дожидается дальнейших вопросов или просто решила уведомить ее о некоем факте своей биографии? Трудно сказать.

– Ваши родители... – спрашивает она с запинкой, – вами тоже не занимались?

– Они пытались. Случился пожар... – Вивиан пожимает плечами. – Это было так давно, я уже многого не помню. Ладно – когда ты хочешь приступить к делу?

Нью-Йорк 1929 год

Мейзи первой почувствовала неладное. Плакала не переставая. Когда мама заболела, ей был месяц, и с тех пор она спала со мной, на узкой койке в крошечной комнатке без окон, которую я делила с братьями. Там было так темно, что в тот день я подумала – как думала уже много раз, – что так, наверное, и живут слепые: в пустоте, окружающей со всех сторон. Я едва различала – а может, просто ощущала – силуэты братьев, они шебуршились, еще не полностью проснувшись: Доминик и Джеймс, шестилетние близнецы, крепко прижались друг к другу на матрасике на полу, чтобы согреться.

Я сидела на койке, прислонившись спиной к стене, и держала Мейзи так, как показала мама: стойком, у плеча. Я уже перепробовала все, чтобы ее успокоить, все, что помогало раньше: гладила по спинке, терла двумя пальцами переносицу, тихо напевала на ушко любимую папину песню «Пичужка»: «Я слышал песенку дрозда и трели соловья, но мне милее голос твой, пичужечка моя». Но она заходила все сильнее, а тело ее сотрясали судороги.

Мейзи уже исполнилось полтора года, но весила она, как узелок с тряпками. Через несколько недель после ее рождения у мамы поднялась температура и пропало молоко, пришлось обходиться сладкой водичкой, распаренными и растолченными овсяными хлопьями, а когда были на это деньги – молоком. Все мы были страшно худыми. Еды постоянно не хватало; выпадали целые дни, когда нам доставались одни только резиновые картофелины в жидком бульоне. Мама и здоровой-то не слишком хорошо стряпала, а случалось, что и вовсе не бралась за это дело. Пока я не выучилась готовить, мы часто грызли сырые картофелины прямо из ящика.

С тех пор как мы уехали из своего дома на западном побережье Ирландии, прошло два года. Жизнь и там была не сахар: папа то находил, то терял работу, его заработков нам всегда не хватало. Мы ютились в крошечном неотапливаемом каменном домишке в маленькой деревне Кинвара в графстве Гэлвей. Все наши соседи уезжали в Америку: о ней рассказывали, что там растут апельсины размером с крупный картофель, что в полях там колыхнется под солнечным небом рожь, а дома все чистые, сухие, деревянные, с водопроводом и электричеством. И работы завались – что фруктов на деревьях. В результате папины родители и сестры решили оказать нам последнюю услугу, а может, им просто не терпелось избавиться от источника постоянных волнений и неприятностей: они наскребли денег на билеты на всю нашу семью из пяти человек; и вот однажды теплым весенним днем мы поднялись на борт «Агнессы-Полины», которая взяла курс на Эллис-Айленд. Единственным связующим звеном с нашим будущим было имя, накорябанное на листке бумаги, который папа перед посадкой засунул в карман рубашки: имя человека, который эмигрировал десятью годами раньше и теперь, по словам его кинварской родни, владел хорошей закусочной в Нью-Йорке.

Хотя мы и прожили всю жизнь в приморской деревушке, никто из нас ни разу в жизни не выходил в море – и уж всяко не оказывался на борту большого судна посреди океана. Все мы, кроме моего брата Дома, отличавшегося несокрушимым здоровьем, почти всю дорогу промаялись от морской болезни. Хуже всего было маме, которая на судне обнаружила, что опять брюхата, – ей почти не удавалось удержать пищу в желудке. Но, несмотря на все это, когда я стояла на нижней палубе, выбравшись из нашей темной, переполненной каюты третьего класса, и смотрела, как за кормой «Агнессы-Полины» бурлит маслянистая вода, меня переполняли надежды. Я была уверена, что в Америке мы найдем свое место. Утро, когда мы вошли в Нью-Йоркскую гавань, выдалось совсем пасмурным и туманным, и даже стоя у самого леера и вглядываясь в густую морось, мы с братьями едва различали смутные очертания статуи Свободы

неподалеку от нашего причала. Нас отвели в одну из длинных очередей, осмотрели, опросили, поставили штамп в паспорте, а потом выпустили на берег, в толпу таких же иммигрантов, которые говорили на языках, звучащих для меня как лошадиное ржание.

Не видела я никакой колышущейся ржи, никаких огромных апельсинов. Мы доехали на пароме до острова Манхэттен и принялись бродить по улицам – мы с мамой качались под весом наших пожитков, близнецы ныли, чтобы их взяли на ручки, папа тащил под мышками по чемодану, сжимая в одной руке карту, а в другой обтрепанную бумажку с надписью: «Марк Флэннери, „Ирландская роза“, Дилэнси-стрит», выведенной нетвердым почерком матери Марка. После того как мы несколько раз заблудились, папа плюнул на карту и начал спрашивать дорогу у прохожих. Они по большей части просто молча отворачивались; один мужик плюнул под ноги – лицо перекошено от ненависти. Но вот в конце концов мы нашли то, что искали, – ирландский паб, грязнуший, как самые низкопробные заведения на задворках Гэлвея.

Мы с мамой и братьями остались ждать на улице, а папа зашел внутрь. Дождь перестал; от мокрой мостовой во влажный воздух поднимался пар. Мы стояли в сырой одежде, задубевшей от пота и грязи, скребли зудящие затылки (вши одолевали нас на судне не меньше морской болезни), а ноги саднило, потому что мы надели новые туфли, которые бабушка купила перед отъездом, но мама решила, что ходить в них мы будем только по американской земле; мы стояли и гадали, во что ввязались. Если не считать этого жалкого подобия ирландского паба, в новой стране мы не увидели ничего похожего на знакомый нам мир.

Марк Флэннери получил письмо от своей сестры, поэтому ждал нас. Папу он нанял мыть посуду, а нас проводил по соседству – я такого места никогда не видела: высокие кирпичные здания нависали над узкими улочками, запруженными людьми. Марк знал, где сдается квартира; десять долларов в месяц, третий этаж пятиэтажного дома на Элизабет-стрит. Он попрощался с нами у входа, и домовладелец-поляк, мистер Каминский, повел нас по выложенному плиткой коридору и вверх по лестнице, кряхтя в темноте под тяжестью наших чемоданов и одновременно читая нам лекцию о пользе чистоты, добронравия и трудолюбия, – судя по всему, он заподозрил, что мы их лишены.

– Я ничего не имею против ирландцев, только если они не бузят, – сообщил он нам громкоподобным голосом.

Я глянула на папу и увидела на его лице выражение, которого раньше не видела никогда, однако сразу распознала: он ошарашен тем, что здесь, в чужой стране, о нем начинают судить превратно еще до того, как он раскроет рот.

Домовладелец назвал наше новое жилье «квартира-поезд»: каждая из комнат выходила в следующую, они соединялись, будто вагоны. Крошечная спальня родителей с окном на заднюю стену другого здания располагалась в самом конце; за ней шла комната, где потом жили я, братья и Мейзи, дальше кухня, а в конце – гостиная; из двух ее окон открывался вид на шумную улицу. Мистер Каминский дернул за цепочку, свисавшую с металлического потолка кухни, и засветилась тусклая лампочка, залив слабым светом обшарпанный деревянный стол, маленькую измызганную раковину, кран, из которого текла только холодная вода, газовую плиту. В коридоре, за пределами квартиры, находилась уборная, которой пользовались и наши соседи – бездетная немецкая чета по фамилии Шацман; об этом нам сообщил хозяин.

– Они живут тихо и от вас ожидают того же самого, – сказал он, хмуро поглядывая на моих братьев, больших непосед, которые в шутку пихали друг друга.

Несмотря на хмурого хозяина, страшную духоту, мрачные комнаты и какофонию незнакомых звуков, совершенно непривычных моему сельскому слуху, я ощутила очередной прилив надежды. Я еще раз осмотрела все наши четыре комнаты, и мне показалось, что жизнь действительно начинается заново, что все тяготы существования в Кинваре остались позади: сырость, пробиравшая до костей, жалкий, нищий домишко, пьянство отца – я ведь уже упоминала об этом? – лишившее нас последних грошей. А тут папе пообещали работу. Тут дернул

за цепочку – и загорелся свет; повернул кран – и потекла вода. Уборная и ванна – прямо за дверью, в сухом коридоре. Да, скромно, но все же шанс на что-то новое.

Не знаю, сильно ли влияет на мои воспоминания о тех временах мой нынешний возраст, насколько их окрашивает мой возраст тогдашний: мне было семь лет, когда мы уехали из Кинвары, и девять в ту ночь, когда Мейзи зашлась криком, в ночь, которая изменила мою жизнь даже сильнее, чем наш отъезд из Ирландии. Сейчас, восемьдесят два года спустя, я по-прежнему слышу ее крик. Если бы только я попыталась разобраться, почему она кричит, вместо того чтобы укачивать ее без всякого успеха. Если бы я попыталась разобраться.

Но я так боялась, что жизнь наша вновь пойдет наперекосяк, что старалась не замечать вещей, пугавших меня сильнее всего: папину неизменную любовь к бутылке – на это перемена страны никак не повлияла; мамину угрюмость и вспышки ярости; их постоянные скандалы. Мне очень хотелось, чтобы все наконец выправилось. Я прижала Мейзи к груди и зашептала ей на ушко: «Но мне милее голос твой, пичужечка моя», – пытаюсь ее утихомирить. Когда она умолкла, я испытала облегчение, не сознавая, что Мейзи в тот день стала канарейкой в шахте: она предупреждала нас об опасности; впрочем, было уже слишком поздно.

Нью-Йорк 1929 год

Через три дня после пожара мистер Шацман будит меня и тут же заявляет, что они с миссис Шацман придумали идеальный выход (да, он употребил именно это слово, «идеальный» – «айдиальный» с его немецким выговором; в тот самый миг я усвоила страшную силу превосходных степеней). Они отведут меня в Общество помощи детям, там трудятся дружелюбные социальные работники, все детишки, находящиеся под их присмотром, обогреты, накормлены и одеты.

– Но я не могу! – возражаю я. – Мама без меня не управится, когда ее выпишут из больницы.

Я уже знаю, что отец и братья мертвы. Видела их в коридоре, накрытыми белой тканью. Маму же унесли на носилках, а еще я успела заметить, что Мейзи двигалась и попискивала, когда какой-то человек в форме уносил ее прочь.

Он качает головой:

– Она не вернется.

– Тогда Мейзи...

– Твоя сестра Маргарет не выжила, – говорит он и отворачивается.

Мать, отец, два брата и сестра, которая была мне дороже собственной души, – какими словами выразить утрату? А когда я все-таки нахожу подходящие слова, сказать их некому. Все, к кому я была привязана в этом мире – новом для меня мире, – умерли или исчезли.

В ночь пожара, когда Шацманы забрали меня к себе, я слышала, как миссис Шацман переругивается в спальне с мужем на предмет того, что со мной делать.

– Мне только этого не хватало, – шипела она, а я слышала каждое слово, будто мы находились в одной комнате. – Эти ирландцы! Куча детей, да в такой тесноте. Удивительно, почему такие вещи не происходят чаще.

Я слушала через стену, и внутри разверзалась пустота. «Мне только этого не хватало». Несколькими часами раньше папа пришел с работы в баре, переоделся, как всегда переодевался вернувшись, – с каждым слоем одежды сбрасывая затхлый запах. Мама чинила одежду – она этим подрабатывала. Доминик чистил картошку. Джеймс играл в углу. Я рисовала на листке бумаги, разучивала с Мейзи буквы: коленям было тепло под ее весом, будто там лежала грелка; ее липкие пальчики копошились в моих волосах.

Я пытаюсь забыть этот ужас. Хотя, наверное, «забыть» – не то слово. Как такое забудешь? С другой стороны, я не продвинулась в жизни ни на шаг, если не сумею укротить свое отчаяние. Я закрываю глаза – и слышу, как визжит Мейзи и кричит мама, ощущаю запах дыма, чувствую жар на коже – и вскакиваю с матраса в гостиной у Шацманов, обливаясь холодным потом.

Мамины родители умерли, ее братья остались в Европе; один за другим ушли в армию, и я понятия не имею, как их разыскать. Потом мне приходит в голову – об этом я говорю мистеру Шацману, – что кто-нибудь может попробовать связаться с папиной матерью и сестрой, оставшимися в Ирландии, хотя мы и не общались с ними с тех пор, как приехали сюда. Я не видела ни единого письма от бабули, не видела, чтобы папа писал ей. Наша жизнь в Нью-Йорке была такой безрадостной, и мы цеплялись за нее такими неверными пальцами, что папе, видимо, не о чем было рассказать родным. Сама же я знаю не много: название нашей деревни, папину фамилию, хотя, возможно, и этого достаточно.

Мистер Шацман хмурит брови и качает головой – и только тут я сознаю свое одиночество. На этой стороне Атлантического океана нет ни одного взрослого человека, которого я бы хоть

сколько-то интересовала, некому отвести меня на судно и оплатить мой проезд. Я обуза для общества, и никто не хочет со мной возиться.

– Ты, ирландка. Сюда. – Тощая хмурая дама в белом чепце манит меня костлявым пальцем. То, что я ирландка, она, видимо, выяснила из документов, которые заполнил мистер Шацман, когда несколько недель назад привез меня в Общество помощи, а может, по моему выговору, «торфяному», как и прежде. – Ф-фу, – говорит она, поджимая губы, когда я подхожу. – Рыжая.

– Как прискорбно, – высказывается стоящая с ней рядом толстуха, а потом вздыхает. – Да еще и веснушки. А в ее годах и так-то пристроить непросто.

Тощая облизывает большой палец, отводит волосы от моего лица.

– Так ты их отпугнешь, а это ни к чему, ясно? Зачеши назад. Если будешь выглядеть опрятно и благовоспитанно, может, кто и позарится.

Она застегивает пуговицы на моих манжетах, нагибается, чтобы заново завязать шнурки на моих черных туфлях – от чепца поднимается запах плесени.

– Ты обязана выглядеть презентабельно. Как девочка, которую любой женщине захочется постоянно видеть в доме. Чистоплотная, воспитанная. Но не слишком... – Она бросает взгляд на другую.

– Не слишком какая? – спрашиваю я.

– Некоторые женщины не очень любят, чтобы под одной с ними крышей жили смазливые девочки, – говорит она. – Ты, правда, не особенно... И тем не менее. – Указывает на цепочку у меня на шее. – Это что?

Я поднимаю руку, дотрагиваюсь до латунного кельтского креста-кладдаха, который ношу с шестилетнего возраста, обвожу пальцем контур сердечка.

– Ирландский крест.

– В поезд нельзя брать с собой обереги.

Сердце бухает так, что мне кажется: она тоже слышит.

– Он бабушкин.

Они обе таращатся на крест, вижу, что сомневаются, пытаются решить, что делать.

– Она подарила мне его еще в Ирландии, перед нашим отъездом. Это... это все, что у меня осталось.

Это правда, но правда и другое: я говорю это, чтобы их переубедить. И мне это удастся.

Поезд мы сперва слышим, а потом уже видим. Негромкий гул, легкая дрожь под ногами, басовитый свисток – сперва чуть слышный, но нарастающий по мере приближения состава. Мы вытягиваем шеи, смотрим на рельсы (хотя одна из наших попечительниц, миссис Скетчерд, кричит визгливо: «Де-ти! Де-ти, на место!»), и вот он внезапно появляется: черный паровоз нависает над нами, тенью застилает платформу, с шипением выпускает пар – будто огромный одышливый зверь.

Я в группе из двадцати детей самого разного возраста. Все мы отмыты, одеты в подаренную благотворителями одежду, на девочках белые передники и толстые чулки, на мальчиках штанишки, застегнутые под коленом на пуговицы, белые рубашки, галстуки, пиджачки из толстой шерсти. Тот октябрьский день выдался теплым не по сезону, бабье лето, как выразилась миссис Скетчерд, и все мы на платформе обливаемся потом. У меня волосы прилипли к шее, в жестком переднике очень неудобно. В одной руке я сжимаю коричневый чемоданчик, в котором, помимо креста, лежит все мое недавно приобретенное имущество: Библия, две смены одежды, шляпа, черное пальто – оно мне мало на несколько размеров, пара туфель. На пальто, с внутренней стороны, одна из добровольных сотрудниц Общества вышила мое имя: Niamh Power.

Да, именно так. А произносится «Ниев». В графстве Гэлвей это вполне расхожее имя, в ирландских районах Нью-Йорка оно тоже встречается нередко, но там, куда повезет меня поезд, оно явно не годится. Дама, которая несколько дней назад вышивала эти буквы, цокала за работой языком.

– Очень надеюсь, что вы не слишком привязаны к этому имени, маленькая мисс, потому как могу вас заверить: если вас, на ваше счастье, кто-то возьмет в семью, ваши новые родители сразу дадут вам другое.

Папа называл меня «моя Ниев». Но я не особенно привязана к этому имени. Я знаю: его трудно произносить, звучит оно по-чужому, а для тех, кто не понимает, еще и некрасиво – нагромождение разномастных звуков.

Никто не проявляет ко мне сочувствия по поводу моих утрат. У каждого из нас своя грустная история: иначе мы бы здесь не оказались. Общее понимание – лучше не говорить о прошлом, и тогда с утратой памяти может прийти утешение. Общество помощи обращается с нами так, будто родились мы в момент поступления к ним: как мотыльки, вылупившиеся из коконов, мы сбросили наши прошлые жизни и с Божьей помощью скоро перепорхнем в новые.

Миссис Скетчерд и мистер Куран, застенчивый, с каштановыми усами, выстраивают нас по росту, от самого высокого к самому маленькому, что также означает – от старшего к младшему; младенцев держат на руках те, кому больше восьми. Миссис Скетчерд всовывает одного из них мне в руки еще до того, как я успеваю запротестовать, – оливковая кожа, косые глазки, год и два месяца, звать Кармин (я уже понимаю: скоро он будет отзывать на другое имя). Он цепляется за меня, как перепуганный котенок. С чемоданчиком в одной руке, а другой прижимая к себе Кармина, я, покачиваясь, взбираюсь по ступеням в вагон; подскакивает мистер Куран, забирает у меня поклажу.

– Головой немножко соображай, девочка, – бранит он меня. – Свалишься – раскroiшь вам обоим черепа; тогда придется вас здесь оставить.

Деревянные скамейки в вагоне все расположены по ходу поезда, кроме двух отделений впереди, разделенных узким проходом. Я нахожу для нас с Кармином три места, мистер Куран закидывает мой чемодан на полку. Кармину скоро взбредает в голову слезть с сиденья, и я так занята попытками его отвлечь, чтобы не сбежал, что почти не замечаю, как в вагон влезают остальные и он начинает заполняться.

Миссис Скетчерд стоит в голове вагона, держась за две кожаные спинки сидений, рукава ее черного плаща напоминают вороны крылья.

– Этот поезд, дети, называется «Поездом сирот», и вам очень повезло, что вы в нем оказались. Вы уезжаете из злого мира, полного невежества, нищеты и порока, а впереди вас ждет достойная сельская жизнь. Во время поездки вы должны придерживаться простых правил. Проявляйте послушание, выполняйте все наши распоряжения. С уважением относитесь к наставникам. Бережно относитесь к вагону, не наносите ему никакого ущерба. Следите за поведением своих соседей. Говоря коротко, ведите себя так, чтобы мы с мистером Кураном вами гордились. – Она повышает голос, мы устраиваемся на своих местах. – Когда вам позволят выйти из вагона, оставайтесь там, где вам будет указано. Уходить куда-либо самостоятельно строго запрещается. А если вы станете вести себя недостойно и нарушать установленные правила, вас немедленно отправят обратно и оставят на улице – без какого бы то ни было попечения.

На младших эта тирада производит сильное впечатление, но те из нас, кому шесть-семь или больше, уже не раз слышали ее перед отъездом в приюте во всевозможных вариациях. Слова пролетают мимо моего сознания. Меня больше волнует то, что Кармин голоден, да и я тоже. На завтрак нам дали только кусочек черствого хлеба и жестяную кружку молока, и было это очень давно, еще не светало. Кармин капризничает, жует ладошку, видимо, привык

так себя утешать. (Мейзи, например, сосала большой палец.) Но я не знаю, как спросить, когда нас покормят. Покормят, когда у попечителей будет время раздать еду, – и этого не изменишь никакими уговорами.

Я сажаю Кармина на колени. Утром, за завтраком, бросая сахар в чашку с чаем, я сунула два кусочка в карман. Теперь я растираю один из них между пальцами, облизываю указательный, обмакиваю в сахар, запихиваю Кармину в рот. Изумление у него на личике, восторг от того, как ему несказанно повезло, вызывают у меня улыбку. Он хватается обеими пухлыми ладошками за мою руку, прижимается к ней и засыпает.

От ритмичного постукивания колес меня тоже начинает клонить в сон. Просыпаюсь я оттого, что Кармин ворочается и трет глазки, а надо мной стоит миссис Скетчерд. Она совсем близко – мне видны розовые сосудики, похожие на прожилки на тонком листе, которые змеятся по ее щекам; пушок на нижней челюсти, кустистые черные брови.

Она пристально вглядывается на меня через стекла маленьких круглых очков.

– Как я понимаю, у тебя дома были малыши.

Я киваю.

– Похоже, ты знаешь, как с ними обращаться.

Кармин, будто по сигналу, ударяется в рев.

– Он, кажется, проголодался, – говорю я. Щупаю подгузник: снаружи сухой, но тяжелый. – И перепеленать пора.

Она поворачивается к голове вагона, через плечо манит меня следом.

– Тогда пошли.

Прижимая к груди малыша, я нетвердо поднимаюсь с сиденья и, покачиваясь, иду за ней по проходу. Дети сидят по двое-трое и провожают меня тоскливым взглядом. Никто не знает, куда мы направляемся, и, похоже, все, кроме самых маленьких, испытывают опасение и страх. Опекуны нам почти ничего не говорят; знаем мы лишь то, что едем в край, где на ветках, склонившихся к самой земле, растет много-много яблок, а на вольном деревенском воздухе гуляют коровы, овцы и свиньи. В край, где живут хорошие люди, хорошие семьи – и они готовы взять нас к себе. Я не видела ни одной коровы – да если на то пошло, вообще ни одного животного, кроме бродячих собак и самых выносливых птиц, – с тех пор, как мы уехали из Гэлвея, и теперь рада буду увидеть их снова. Впрочем, настроена я скептически. Слишком я хорошо знаю, что красивые слова очень часто не совпадают с реальностью.

Многие из маленьких пассажиров нашего поезда провели в Обществе помощи столько времени, что и вовсе не помнят своих матерей. Им будет проще начать сначала, броситься в объятия новой семьи, которая станет для них единственной. Я же помню слишком многое: просторную бабулину грудь, ее маленькие сухие ручки, мрачный коттедж, осыпающуюся стену, которой обнесен тесный огород. Густой туман, который накрывает залив ранним утром и в конце дня, баранину с картошкой, которую бабуля приносила нам, когда мама, вымотавшись, не могла ничего приготовить или нам не на что было купить продукты. Помню, как покупали молоко и хлеб в угловой лавке на Фантом-стрит – Срайд-а-фука, как называл ее по-гэльски папа: такое название улица получила потому, что каменные дома в этой части города построены были на бывшем кладбище. Помню мамины растрескавшиеся губы и мимолетную улыбку, грусть, что заполняла наш дом в Кинваре и перебралась с нами через океан, обосновавшись в темных углах съемной квартиры в Нью-Йорке.

И вот я в этом поезде, вытираю Кармину попку, а миссис Скетчерд нависает над нами и прикрывает меня одеялом, чтобы весь этот процесс не видел мистер Куран, а заодно раздает указания, в которых я не нуждаюсь. Сухого, чистого Кармина я пристраиваю головкой на плечо и иду на место, а мистер Куран раздает миски с обедом – хлеб, сыр и фрукты, жестяные кружки с молоком. Я кормлю Кармина размоченным в молоке хлебом, и это напоминает мне про ирландское блюдо, которое называется «чамп», – я часто готовила его для Мейзи и

братьев: размятый картофель, молоко, зеленый лук (в тех редких случаях, когда удавалось его достать), соль. Когда приходилось ложиться спать голодными, мы всегда видели чамп во сне.

Раздав нам обед и по шерстяному одеялу, мистер Куран объявляет, что рядом с ним стоит ведро воды с ковшиком, можно поднять руку и подойти попить. В поезде есть уборная, сообщает он (нам скоро предстоит обнаружить, что эта «уборная» – жуткая дыра, прямо над рельсами).

Кармин, насытившись хлебом и сладким молоком, разлегся у меня на коленях, положив темноволосую головку на сгиб локтя. Я обернула нас обоих колючим одеялом. Среди ритмичного перестука колес и беззвучного копошения многих людей я чувствовала себя как в коконе. От Кармина пахло ванильным кремом, а тяжесть его тельца была такой уютной, что на глаза навернулись слезы. Нежная кожа, мягкие ручки, темные игольчатые ресницы – даже его вздохи заставляли меня думать (а как же иначе?) про Мейзи. Мысль о том, что она умерла в больнице от ожогов, одна, в мучениях, была невыносимой. Как так может быть, что ее нет, а я жива?

В нашем съемном жилье двери всех квартир, как правило, были открыты, жильцы совместно сидели с детьми, совместно готовили. Мужчины работали в одних и тех же продуктовых магазинах и кузнях. Женщины занимались рукоделием: плели кружево, чинили носки. Проходя мимо их квартир, я видела, как они сидят кружком, склонившись над работой, переговариваются на непонятном мне языке, – и меня пронзала боль.

Мои родители уехали из Ирландии в надежде на лучшее будущее, мы все верили, что путь наш лежит в страну изобилия. Родителям предстояло потерпеть крах в этой новой стране – крах во всех смыслах. Возможно, они просто были слабыми людьми, не приспособленными к тяготам эмиграции с ее унижениями и компромиссами, возможно, им не хватало самодисциплины и толики авантюризма. И все же меня не покидала мысль: ведь все могло сложиться иначе, если бы у нашей семьи имелся какой-то свой бизнес, куда приняли бы и папу, гарантировав ему занятость и стабильный доход, и ему не пришлось бы работать в баре – для такого человека, как он, место было хуже некуда; или если бы маму окружали другие женщины, сестры и племянницы, которые сняли бы с нее бремя отчаяния и одиночества, дали ей приют в краю чужаков.

В Кинваре мы были безнадежно бедны и не знали, что ждет нас завтра, но, по крайней мере, рядом была родня, знакомые люди. У нас были общие традиции, одинаковые взгляды на мир. До отъезда мы понятия не имели, что этих вещей можно лишиться.

Нью-Йорк, Центральный вокзал 1929 год

Шли часы, я привыкла к качке вагона, к перестуку тяжелых колес, к железному гулу под сиденьем. Смеркалось, четкие силуэты деревьев за окном начали размываться, небо медленно темнело, потом стало черным на краю лунного диска. Прошли еще часы, синеватые отсветы сменились пастельными красками рассвета, и вот в окно хлынуло солнце; прерывистый ритм движения поезда делал пейзаж похожим на фотографии, тысячи снимков – если скользнуть взглядом, получается движущаяся картинка.

Мы коротаем время, глядя на меняющийся пейзаж, разговаривая, играя в разные игры. У миссис Скетчерд с собой шашки и Библия, я листаю ее в поисках любимого маминого 120-го псалма: «возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю...»

Я одна из немногих детей в этом поезде, кто умеет читать. Мама давно, еще в Ирландии, показала мне все буквы, а потом обучила письму. Когда мы приехали в Нью-Йорк, она заставляла меня читать ей вслух – все слова, какие попадались на глаза, на коробках и бутылках, которые я находила на улице.

- Доннер, газ-ированные нап...
- Напитки.
- Напитки. Лемонкист, содовая вода. Искусанные...
- Искусственные.
- Искусственные кра-сители. Добавка лимоновой... лимонной кислоты.
- Молодец.

Когда я научилась читать бегло, мама порылась в обтрепанном сундучке, стоявшем рядом с ее кроватью, и вытащила оттуда сборник стихов в твердом переплете, синем с золотой каемкой. Фрэнсис Фахи был поэтом из Кинвары, он родился в семье, где было девятнадцать детей. В пятнадцать лет стал помощником учителя в местной школе для мальчиков, потом перебрался в Англию (как и все ирландские поэты, пояснила мама), там общался, например, с Йейтсом и Шоу. Мама аккуратно переворачивала страницы, водила пальцем по черным строчкам на тонкой бумаге, проговаривая слова про себя, пока не находила то, что надо.

- «Залив Гэлвей», – говорила она. – Мое любимое. Почитай вслух.

Я читала:

Когда бы свет ушедших лет не обращался в прах
И пыл не стыл, я б так и жил на этих берегах.
Здесь тесный круг надежных рук соседей и друзей,
И здесь, в свой срок, я б в землю лег, родной залив Гэлвей.

Прочитав все это с запинками, с ошибками, я поднимаю глаза и вижу на мамином лице две полоски от слез.

- Иисус, Мария и Иосиф, – говорит она. – Зачем мы оттуда уехали?

В поезде мы иногда поем. Мистер Куран еще перед отъездом разучил с нами песню и теперь как минимум раз в день дирижирует стоя:

Из городов – в разлив лугов,
Где веет ветерок,
Из царства зла – в страну тепла

Лети, как мотылек!
О дети, милые дети,
Счастье и чистота...

Мы останавливаемся на станции закупить припасы для бутербродов, фрукты и молоко, но выходит из вагона только мистер Куран. Я вижу из своего окна его белые штiblеты, он договаривается на платформе с фермерами. Один протягивает ему корзину яблок, другой – мешок хлеба. Еще один, в черном фартуке, запускает руку в ящик, разворачивает оберточную бумагу, и оттуда показывается желтый кусок сыра; у меня начинает урчать в животе. Кормят нас скудно: за последние сутки выдали лишь хлебные корки, молоко и по яблоку; то ли они боятся, что еда кончится, то ли считают, что нам это полезно для души.

Миссис Скетчерд марширует по проходу, ведя за собой по две группы – размяться, пока поезд стоит.

– Трясите ногами по очереди, – командует он. – Это полезно для кровообращения.

Мальши хнычут, мальчишки постарше при первой возможности устраивают всякие мелкие шалости. Мне совершенно не хочется связываться с этими мальчишками, для меня они похожи на стаю бездомных псов. Наш хозяин мистер Каминский называл таких «беспризорниками» и говорил, что они сбиваются в банды, воруют кошельки, а то и похуже.

Когда поезд отходит от станции, один из мальчишек зажигает спичку, вызвав гнев мистера Курана, тот дерет ему уши и кричит так, чтобы слышал весь вагон, что мальчишка – паршивый, ни на что не годный шматок грязи на зеленой Господней земле и никогда из него не выйдет ничего путного. В результате в глазах приятелей мальчишка становится настоящим героем, и они принимают измышлять разные способы вывести мистера Курана из себя, но при этом избежать наказания. Бумажные самолетики, громкие отрывки, потусторонние завывания, за которыми следует приглушенное хихиканье, – мистер Куран вне себя оттого, что никак не может определиться, кого же наказать. И действительно, ну а что он может сделать, разве что выкинуть их из вагона на следующей станции? Этим он в конце концов им и грозит, нависнув над сиденьями двух главных заводил, но в итоге тот, что покрупнее, дерзко отвечает, что с удовольствием сам доберется куда надо, он два года так жил и прекрасно справлялся – чистить обувь можно в любом городе Америки, это уж точно, и, кстати, это куда лучше, чем жить в стойле с коровами, питаться из свиного корыта, а потом еще и попасть в плен к индейцам.

Все начинают перешептываться. О чем это он?

Мистер Куран озирается в некотором смущении.

– Ты перепугал всех в вагоне. Доволен? – спрашивает он.

– А что, разве это не правда?

– Конечно неправда. Дети, угомонитесь.

– А я слышал, нас продадут с аукциона тому, кто даст самую большую цену, – театральным шепотом суфлирует другой мальчишка.

В вагоне повисает тишина. Миссис Скетчерд встает с места, на ней обычный чепец с широкими полями, губы сжаты и презрительно искривлены. Выглядит она куда более предстательно: просторный черный плащ, очки в стальной оправе поблескивают, – мистеру Курану такое и не снилось.

– С меня довольно, – заявляет она визгливо. – Меня так и подмывает вышвырнуть вас всех из поезда. Но поступить таким образом... – она медленно обводит нас взглядом, останавливаясь на каждом посерьезневшем личике, – будет не по-христиански. Согласны? Мы с мистером Кураном сопровождаем вас туда, где вас ждет лучшая жизнь. Любые утверждения обратного свидетельствуют о невежестве и совершенно недопустимы. Мы от всей души надеемся, что каждый из вас сможет оставить позади горечь и тяготы ваших ранних лет, что твер-

дое руководство и упорный труд превратят вас в уважаемых граждан, имеющих определенный вес в обществе. Однако я не столь наивна, чтобы полагать, что это произойдет с каждым из вас. – Она бросает уничтожающий взгляд на светловолосого мальчика постарше, одного из хулиганов. – И все же смею полагать, что большинство из вас ценят открывшуюся перед вами возможность. Не исключено, что вам не выпадет другого случая начать нормальную жизнь. – Поправляет плащ на плечах. – Мистер Куран, мне представляется, что молодого человека, который разговаривал с вами столь дерзко, стоит пересадить туда, где его сомнительное очарование не вызовет столь буйного отклика. – Она приподнимает его подбородок, высовываясь из чепца, точно черепаха из своего домика. – Вон, посмотрите, рядом с Ниев есть место, – говорит она, указывая скрюченным пальцем в мою сторону. – Да еще и хнычущий младенец в виде дополнительной радости.

По коже ползут мурашки. Только не это. Однако я понимаю: сейчас с миссис Скетчерд лучше не спорить. Я отодвигаюсь как можно дальше к окну, а Кармина, завернутого в одеяло, кладу рядом, на центральное сиденье.

Мальчишка – он до того сидел на другом конце прохода и несколькими рядами впереди – встает, громко вздыхает и низко надвигает ярко-синюю фланелевую кепку. С нарочитой неловкостью выбирается со своего места, потом идет, волоча ноги, по проходу, будто приговоренный на виселицу. Добравшись до моего ряда, он щурит глаза, смотрит на меня, потом на Кармина, строит рожу своим приятелям.

– Похоже, тут будет весело, – сообщает он громко.

– Прошу закрыть рот, молодой человек, – тут же обрывает его миссис Скетчерд. – Извольте сесть и вести себя как положено джентльмену.

Он плюхается на сиденье, выставив ноги в проход, потом снимает кепку и хлопает ею по сиденью перед нами – оттуда поднимается облачко пыли. Те, кто сидит там, оборачиваются, таращатся на него.

– Коза драная, – бормочет он, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Потом протягивает палец Кармину, тот его изучает, смотрит новому соседу в лицо. Мальчишка дрыгает пальцем, Кармин зарывается лицом мне в колени.

– Будешь таким трусом – ничего в жизни не добьешься, – заявляет мальчишка. Смотрит на меня – ощупывает взглядом лицо и тело, я краснею. У него прямые волосы соломенного цвета, бледно-голубые глаза, а лет ему, по моим прикидкам, двенадцать-тринадцать, хотя по поведению он кажется старше. – Рыжая. Это даже хуже, чем черномазая. Кому ты такая нужна?

Слова его жалят меня своей правотой, но я вскидываю подбородок.

– Я, по крайней мере, не преступница.

Он хохочет.

– А я, выходит, преступник?

– Скажи, что нет.

– А ты согласишься?

– Вряд ли.

– Тогда какой смысл говорить?

Я не отвечаю, и все мы сидим молча – новый сосед заставил Кармина притихнуть. Я смотрю на пробегающий за окном пейзаж, унылый, безлюдный. Весь день то моросило, то нет. Небо водянисто, низко нависли серые тучи.

– У меня инструмент забрали, – говорит мальчишка немного спустя.

Я поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Инструмент для чистки обуви. Банки с кремом, щетки. И как мне теперь зарабатывать?

– Никак. Тебя определяют в семью.

– А, ну конечно, – отвечает он с сухим смешком. – Mamочка будет вечером подтыкать одеяло, а папочка днем учить ремеслу. Только я что-то в это не верю. А ты?

– Не знаю. Я пока об этом не думала, – отвечаю я, хотя, разумеется, думала. Прикидывала и так и этак: сначала разберут младенцев, потом мальчиков постарше, ведь фермерам нужны крепкие кости и сильные мышцы. В последнюю очередь девочек вроде меня, которых в дам уже не превратишь, слишком поздно, серьезной работы по дому не поручишь, слишком рано, да и в поле толку мало. Тех, кого никто не возьмет, отправят обратно в приют.

– В любом случае мы же ничего не можем поделать.

Он лезет в карман, вытаскивает мелкую монетку. Перекатывает в пальцах, зажимает между большим и указательным, прикладывает к носу Кармина, потом прячет в кулак. Раскрывает ладонь – монетки там нет. Он лезет Кармину за ухо, произносит: «Престо» – и подает ему монетку.

Кармин таращится в изумлении.

– Можно смириться, – говорит он. – А можно сбежать. Может, кому-то повезет и будет он жить-поживать да добра наживать. Один Господь знает, что с нами будет, а уж Он-то не проговорится.

Вокзал «Юнион», Чикаго 1929 год

Мы превратились в странную семейку: мальчишка – я выяснила, что его настоящее имя Ханс, а уличная кличка Голландик, – Кармин и я, обитатели нашего трехместного мирка. Голландец рассказал, что родился он в Нью-Йорке, родители его немцы, мать умерла от воспаления легких, а отец отправил его на улицу зарабатывать чисткой обуви, и каждый раз, когда он приносил недостаточно денег, стегал ремнем. И вот в один прекрасный день он перестал возвращаться домой. Присоединился к компании мальчишек, которые летом спали на какой-нибудь удобной приступочке или тротуаре, а зимой – в бочках и подъездах, в пустых ящиках на железной решетке на закраине Типографской площади – от машин внизу поднимались теплый воздух и пар. В задней комнате «тихого» бара он выучился по слуху играть на пианино, по ночам брэнчал для пьяных посетителей и смотрел на такие вещи, какие двенадцатилетке видеть ни к чему. У мальчишек было принято не бросать друг друга в беде, хотя, если кому-то случалось заболеть или покалечиться – схватить пневмонию или упасть с трамвая под колеса грузовика, – они мало чем могли помочь.

Несколько приятелей Голландика по этой шайке едут с нами в поезде – он указывает пальцем на Мокрого Джека, который вечно все на себя проливает, и Беяка, мальчишку с прозрачной кожей. Их подманили, пообещав горячий обед, так они здесь и оказались.

– А что горячий обед? Вам его-то хоть дали?

– А то. Жареное мясо с картошкой. И положили в чистую кровать. Только не доверяю я этим. Им наверняка платят за каждую голову – как вот индейцы снимают скальпы.

– Это же благотворительное общество, – возражаю я. – Ты что, не слышал, что говорила миссис Скетчерд? Они выполняют свой христианский долг.

– Вот уж только не по отношению ко мне. Слышал я их разговорчики между собой: меня заставят работать, пока не сдохну, да еще и бесплатно. Ты-то девочка. Может, у тебя все еще и сладится: будешь на кухне печь пироги или нянчить ребенка. – Щурится, смотрит на меня. – Веснушки и рыжие волосы это, конечно, плохо, а так ты ничего. Вот и будешь сидеть вся такая расфуфыренная за столом, с салфеткой на коленях. Мне такое не обломится. Учить меня хорошим манерам поздно, да и слушаться я не умею. Все, на что я годен, – работать как вол. Все мы, газетчики, разносчики, расклейщики и чистильщики, таковы.

Он кивает на других мальчишек в вагоне, по очереди.

На третий день мы пересекаем границу штата Иллинойс. На подъезде к Чикаго миссис Скетчерд встает и произносит очередную тираду:

– Через несколько минут мы прибудем на вокзал «Юнион», и там пересядем на другой поезд, – вещает она. – Будь моя воля, я построила бы вас в шеренгу и отправила прямиком в новый вагон, зная наверняка, что так вы точно не учините никаких безобразий. Однако посадка начнется только через полчаса. Молодые люди, извольте надеть пиджаки, барышни – передники. И смотрите, не перепачкайте. Чикаго – гордый, благородный город, стоящий возле большого озера. С озера часто дует ветер, отсюда второе название: Город Ветров. Разумеется, все должны будут взять свои чемоданы и шерстяные одеяла, в которые нужно будет завернуться: мы пробудем на платформе не меньше часа. Я полагаю, что честные граждане Чикаго видят в вас мошенников, воришек и попрошаек, неисправимых грешников, которым никогда уже не встать на правильный путь. Их подозрительность вполне объяснима. Ваша задача – доказать, что они не правы: вести себя безупречно, как подобает образцовым гражданам, которыми, по убеждению Общества помощи детям, вы все можете стать.

На платформе ветер свищет сквозь мое платье. Я плотно оборачиваю плечи одеялом, не спуская глаз с Кармина, – он топает вокруг, и холод ему, похоже, нипочем. Ему хочется знать, что тут как называется: поезд, колесо, миссис Скетчерд (хмуро смотрит на кондуктора), мистер Куран (просматривает газеты на лотке). Свет – фонари загораются как раз тогда, когда Кармин обращает на них взгляд, будто по волшебству.

Вопреки ожиданиям миссис Скетчерд, – а возможно, в ответ на ее увещевания – все мы, даже мальчишки постарше, ведем себя тихо. Сбились в кучку, покорные, как скотина, только топаем ногами, чтобы согреться.

Все, кроме Голландика. А он-то где?

– Пс-с-т. Ниев.

Услышав свое имя, я поворачиваюсь и замечаю его белобрысую голову в лестничном пролете. Раз – и исчез. Я смотрю на взрослых, они заняты какими-то документами. Вдоль кирпичной стены неподалеку пробегает крупная крыса, все начинают визжать и показывать на нее пальцами, я же хватаю Кармина, оставив кучку наших чемоданов лежать где есть, и прячусь за какой-то столб и грудку деревянных ящиков.

В лестничном пролете – с платформы сюда не заглянешь – у вогнутой стены сидит Голландик. Увидев меня, он без всякого выражения поворачивается и начинает подниматься по ступеням, исчезает за углом. Быстро оглянувшись – сзади никого нет, – я прижимаю к себе Кармина и поднимаюсь следом, не сводя глаз с широких ступеней, чтобы не упасть. Кармин запрокидывает голову и сам откидывается назад – болтается как мешок с рисом. «Веть», – лепечет он, указывая пухлым пальчиком. Я смотрю туда и постепенно соображаю, что это огромный полукруглый свод вокзала, почти полностью остекленный.

Мы оказываемся в огромном помещении, где кишат люди всевозможных форм и цветов: богатые дамы, за которыми следуют служанки, мужчины в визитках и цилиндрах, продавщицы в ярких платьях. Все сразу глазом не охватить – статуи и колонны, балкончики и лестницы, огромные деревянные скамьи. Голландик стоит в самом центре и сквозь стеклянный потолок таращится в небо; потом срывает кепку, подбрасывает вверх. Кармин выворачивается из моих рук, а стоит мне его выпустить – несется к Голландику, обхватывает его колени. Голландик нагибается, сажает его на плечи; подходя, я слышу, как он говорит:

– Давай, дружище, раскидывай руки, я тебя покручу.

Крепко держа Кармина за ноги, начинает крутиться – Кармин тянет ручонки, запрокидывает голову, смотрит в потолок, вереща от восторга, – и в этот миг, впервые после пожара, я забываю о своих бедах. Меня переполняет радость, столь сильная, что от нее делается больно, радость, подобная острию ножа.

Тут в зале звучит свисток. Трое полицейских в темной форме несутся к Голландику, выхватив дубинки, а дальше все происходит невероятно быстро: наверху лестничного пролета я вижу миссис Скетчерд, простершую свое воронье крыло, и мистера Курана, который несется к нам в этих своих дурацких белых туфлях; вижу Кармина, который в ужасе цепляется за шею Голландика, – а жирный полицейский орет: «Всем стоять!» Мне заламывают руку за спину, и какой-то мужчина выплевывает прямо мне в ухо: «Сбежать пытались, да?» – и дыхание его отдает лакрицей. Отвечать бессмысленно, я молчу, пока он силой опускает меня на колени.

В огромном зале повисает тишина. Уголком глаза я вижу Голландика, лежащего на полу, прижатого полицейской дубинкой. Кармин ревет, и один только его рев разрывает тишину; Голландик иногда пытается шевельнуться, но получает тычок под ребра. Потом оказывается, что на нем наручники; жирный полицейский рывком поднимает его на ноги, толкает в спину – Голландик, спотыкаясь, летит вперед.

Тут я понимаю, что он уже бывал в таких переделках. Лицо его лишено выражения; он даже не протестует. Я вижу, что думают зеваки: обычный малолетний преступник, нарушил

закон, по всей видимости, не впервые. Полицейские охраняют покой честных граждан Чикаго, и слава богу.

Жирный полицейский подтаскивает Голландика к миссис Скетчерд, а Лакричный Дух тут же резко дергает меня за руку.

Вид у миссис Скетчерд такой, будто она только что сжевала лимон. Губы сложены в подергивающееся «о», а сама она, похоже, дрожит.

– Я посадила этого молодого человека рядом с тобой, – говорит она мне страшным, тихим голосом, – в надежде, что ты окажешь на него благотворное влияние. Судя по всему, я глубоко заблуждалась.

В голове у меня сумбур. Как бы убедить ее, что он не хотел ничего плохого.

– Нет, мадам, я...

– Не перебивай.

Я опускаю глаза.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Я прекрасно понимаю: что бы я ни сказала, ее мнение обо мне не изменишь. Именно поэтому я испытываю странную свободу. Единственное, чего я могу добиться, что Голландика не отправят обратно на улицу.

– Это я во всем виновата, – говорю я. – Я попросила Голландика, в смысле Ханса, проводить нас с маленьким наверх. – Я смотрю на Кармина, который вырывается из рук полицейского. – Я подумала... вдруг нам хоть краешком глаза удастся увидеть это озеро. Я подумала, что малышу оно очень понравится.

Миссис Скетчерд гневно пялится на меня. Голландик смотрит с изумлением. Кармин произносит: «Оево?»

– А потом Кармин увидел свет. – Я указываю пальцем вверх, смотрю на Кармина – он запрокидывает голову и выпаливает: «Вет!»

Полицейские не знают, что делать. Лакричный Дух отпускает мою руку, видимо уверившись, что я не сбегу.

Мистер Куран переглядывается с миссис Скетчерд; выражение ее лица смягчилось, пусть и чуть-чуть.

– Ты глупая и упрямая девочка, – говорит она, но металл из голоса исчез, и я чувствую: она скорее делает вид, что сердится. – Ты нарушила мое указание оставаться на платформе. Ты подвергла опасности всю группу, а сама опозорилась. Хуже того, ты и меня опозорила. И мистера Курана, – добавляет она, повернувшись к нему. Он морщится, будто пытаясь сказать: «Не надо и меня припутывать». – Однако, как мне представляется, полицию в это вмешивать излишне. Это гражданское, не уголовное правонарушение, – разъясняет она.

Жирный полицейский с показным тщанием снимает с Голландика наручники, цепляет их себе на пояс.

– Может, нам его все-таки забрать, мадам?

– Благодарю вас, но мы с мистером Кураном сами накажем его примерным образом.

– Как скажете. – Он дотрагивается до околыша фуражки, делает шаг назад, поворачивается кругом.

– Вот тут можете не сомневаться, – угрюмо произносит миссис Скетчерд, глядя на нас в упор. – Вы оба будете наказаны.

Миссис Скетчерд несколько раз ударяет Голландика по костяшкам пальцев длинной деревянной линейкой, но наказание не выглядит слишком суровым. Он даже не морщится, пару раз встряхивает руками, подмигивает мне. По совести говоря, наказать ей его особо нечем. У него нет ни семьи, ни имени, кормят его скудно, держат на жестком деревянном сиденье, а потом, как предположил Мокрый Джек, собираются продать в рабство – такой образ

жизни уже сам по себе наказание. Да, она пригрозила, что разлучит нас, но в итоге оставляет вместе: ей не хочется, чтобы Голландик распространял свое тлетворное влияние на других, поясняет она, а что касается Кармина, то, если ей придется о нем заботиться вместо меня, она только саму себя и накажет. Она приказывает, чтобы мы не разговаривали и даже не смотрели друг на друга.

– Услышу хотя бы шепот – держитесь, – говорит она, но угроза выдыхается прямо у нас над головами, как проколотый воздушный шарик.

Из Чикаго мы выезжаем уже вечером. Кармин сидит у меня на коленях, ладошки на стекле, личико прижато к окну, и смотрит на ярко освещенные улицы и дома. «Ветх», – говорит он тихо, а город начинает убегать вдаль. Я тоже смотрю в окно. Скоро там делается темно; невозможно сказать, где заканчивается земля и начинается небо.

– Постарайтесь как следует выспаться, – кричит из головы вагона миссис Скетчерд. – Утром все должны быть в лучшей форме. В ваших интересах произвести хорошее впечатление. А заспанный вид вполне могут принять за лень.

– А если меня никто не возьмет? – спрашивает какой-то мальчик, и весь вагон, кажется, перестает дышать. Этот вопрос крутится у каждого в голове, но, похоже, никому не хочется знать ответ.

Миссис Скетчерд бросает взгляд на мистера Курана – будто она этого вопроса ждала.

– Если никто не возьмет тебя на первой остановке, следом за ней будет еще несколько. Я не припоминаю ни единого случая... – Осекается, поджимает губы. – Крайне редко случается, чтобы мы привозили детей обратно в Нью-Йорк.

– Простите, мадам, – подает голос девочка, сидящая в одном из первых рядов, – а если я не захочу жить с людьми, которые меня выберут?

– Если они меня будут бить? – выкрикивает какой-то мальчик.

– Дети! – Стеклышки очков миссис Скетчерд вспыхивают, она начинает крутить головой. – Я не потерплю, чтобы меня перебивали! – Она вроде как собирается снова сесть, не отвечая на вопрос, но потом передумывает. – Я скажу вам следующее: вкусы и личные пристрастия у всех различны. Некоторым родителям нужен крепкий мальчик, который сможет работать на ферме, – как нам всем известно, упорная работа идет детям на пользу, и вам, мальчики, очень повезет, если вы окажетесь в семье набожных фермеров; а кому-то нужны малыши. Иногда люди решают, что им нужно одно, но потом передумывают. Мы от души надеемся, что каждый из вас найдет себе подходящий дом на первой же остановке, но на деле не всегда выходит так. А потому, помимо уважительности и благонравия, вы должны хранить веру в Бога, который в момент сомнений укажет вам верный путь. Каким бы ни было ваше странствие, долгим или коротким, Он всегда будет вам помогать, если только вы станете хранить веру в Него.

Я смотрю на Голландика, а он – на меня. Миссис Скетчерд знает не лучше нашего, как будут обращаться с нами люди, к которым мы попадем. Мы движемся в незнаемое, и выбора у нас нет – только сидеть смирно на жестких сиденьях, пока нас везут к цели.

Спрус-Харбор, штат Мэн 2011 год

Молли идет обратно к машине и через ветровое стекло видит Джека: глаза закрыты, чуть покачивается в такт песне, которую ей не слышно.

– Ку-ку, – говорит она громко и открывает пассажирскую дверь.

Он поднимает веки, снимает наушники.

– Ну, как оно?

Молли качает головой, забирается внутрь. Трудно поверить, что она провела в доме всего двадцать минут.

– Странная она, эта Вивиан. Пятьдесят часов! Опупеть можно.

– Но в принципе все состоялось?

– Вроде да. Мы договорились начать в понедельник.

Джек хлопывает ее по коленке.

– Супер! Время пролетит – не заметишь.

– Рано радуешься.

Это в ее стиле – разом прихлопнуть его энтузиазм, это уже вошло в привычку. Она часто говорит ему: «Джек, я не такая, как ты. Я злобная и противная», а потом чувствует облегчение, когда он отвечает смехом. Он исполнен оптимистической уверенности, что в душе она человек хороший. А раз он от всей души в нее верит, наверное, не все с ней так уж плохо, да?

– Ты, главное, повторяй про себя: все лучше тюряги, – советует он.

– А ты в этом уверен? Может, проще было бы отсидеть – и в сторону.

– Тут проблемка есть: судимость-то останется.

Молли пожимает плечами.

– С другой стороны, тут тоже полная задница, согласен?

– Да что ты говоришь, Молли? – спрашивает он со вздохом, поворачивая ключ зажигания.

Она улыбается, давая понять, что шутит. Ну почти.

– «Лучше тюряги». Отличный текст для татуировки. – Указывает на свою руку: – Вот сюда, на бицепс, двадцатым кеглем.

– Ты так даже не шути, – говорит он.

Дина плюхает сковородку с едой быстрого приготовления в середину стола и тяжело опускается в кресло.

– Уф. Совсем вымоталась.

– Тяжелый день на работе выдался, малыш? – говорит Ральф, он так говорит всегда, а вот Дина никогда не спрашивает, как прошел его день. Наверное, работа водопроводчика – занятие куда более занудное, чем деятельность полицейского диспетчера в кишасе злодеями Спрус-Харборе. – Молли, давай свою тарелку.

– У меня спина разламывается, заставляют сидеть на таком жутком стуле, – жалуется Дина. – Нужно пойти к остеопату, а потом подать на них в суд.

Молли передает тарелку Ральфу, тот накладывает ей еды. Молли уже привыкла выбирать овощи из мяса, даже в таком блюде, где поди пойми, что есть что, так все перемешано, – потому что Дина отказывается признавать, что она вегетарианка.

Дина слушает по радио передачи консерваторов, принадлежит к фундаменталистской христианской церкви, а на бампере ее машины красуется стикер: «Людей убивают не ружья, а аборт». Они с Молли – полные, диаметрально противоположности, и в этом не было бы

ничего страшного, если бы Дина не воспринимала всякую точку зрения Молли как личное оскорбление. Дина постоянно закатывает глаза и что-то бормочет по поводу многочисленных проступков Молли: не убрала выстиранное белье, оставила грязную тарелку в раковине, не застелила постель – все это проявления либерального раздолбайства, которое ведет страну к гибели. Молли знает, что лучшая тактика – игнорировать все эти замечания, «как с гуся вода», говорит Ральф, но все же они ее достают. Она к ним избыточно чувствительна – как слишком высоко настроенный камертон. Для нее они из разряда Дининых непререкаемых наставлений: проявляй благодарность. Одевайся как нормальные люди. Не высказывай собственного мнения. Ешь то, что тебе положили в тарелку.

Молли не в состоянии понять, как со всем этим мирится Ральф. Она знает, что Ральф с Диной познакомились в выпускном классе, потом воспоследовала стандартная история «мальчик-футболист – девочка-чирлидер», и с тех пор они вместе, но вот чего Молли не может понять, это разделяет ли Ральф твердые убеждения Дины или намеренно ей не противоречит, чтобы не усложнять себе жизнь. Иногда он решается на малозаметные бунты – поднятая бровь, осторожно сформулированное, слегка ироническое замечание, например: «Ну, это решение мы сможем принять, только когда босс вернется».

Но при всем при том Молли понимает, что все сложилось не так плохо: у нее собственная комната в ухоженном доме, опекуны работают, не пьют, она ходит в нормальную школу, у нее симпатичный друг. Ее не заставляют возиться с малышкой, как это было в одном из домов, где она жила, или убирать за пятнадцатью грязнушками котами, как это было в другом. За последние девять лет она перебивалась в дюжине домов, в некоторых – не дольше недели. Ее шлепали половником, давали пощечины, заставляли зимой спать на неотапливаемой веранде; один отец-опекун учил ее сворачивать косяки, другие заставляли врать соцработникам. Татуировку ей сделали неофициальным образом, в шестнадцать лет, сделал двадцатилетний знакомый семьи из Бангора, который, по собственным словам, «изучал искусство татуажа», только начинал работать и поэтому не попросил оплаты, то есть в смысле... почти не попросил. Да ладно, не так-то уж она и держалась за свою девственность.

Зубьями вилки Молли размачивает гамбургер на тарелке в надежде, что его будет совсем не видно. Отправляет немного в рот, улыбается Дине.

– Очень вкусно. Спасибо.

Дина поджигает губы и наклоняет голову, явно пытаясь сообразить, нет ли в похвале какого подвоха. Да видишь ли, Дина, думает Молли, и есть, и нет. Спасибо, что взяли меня к себе, что кормите. Но если ты думаешь, что можешь задушить мои идеалы, заставить меня есть мясо, хотя я сказала тебе, что я его не ем; если ты ждешь, что я буду переживать из-за твоей больной спины, притом что тебя моя жизнь совсем не волнует, – вот это уж дудки. Я согласна играть в твою гребаную игру. Но я не обязана играть по твоим правилам.

Спрус-Харбор, штат Мэн 2011 год

Терри поднимается на третий этаж первой, топоча по лестнице, Вивиан – следом, помедленнее, Молли – последней. Дом огромный, со сквозняками, великоват для одинокой старушки, думает Молли. В нем четырнадцать комнат, на зиму почти во всех закрывают ставни. По пути на чердак Терри успевает провести краткую экскурсию: Вивиан с мужем были владельцами и управляющими универмага в Миннесоте, двадцать лет назад продали его и отправились на яхте на Восточное побережье – отпраздновать выход на пенсию. Увидели из гавани этот дом – раньше он принадлежал капитану корабля – и тут же приняли решение его купить. Сказано – сделано: собрали вещи и перебрались в Мэн. Правда, Джим умер восемь лет назад, и с тех пор Вивиан живет здесь одна.

На верхней площадке лестницы Терри, слегка запыхавшись, упирает руку в бок и оглядывается.

– Ф-фу! С чего начнем, Виви?

Виви взбирается на последнюю ступеньку, цепляясь за перила. На ней сегодня другой кашемировый свитер, серый, а еще серебряная цепочка с какой-то странной подвесочкой.

– Сейчас поглядим.

Молли оглядывается: третий этаж состоит из двух спален, засунутых под наклонную крышу, старомодной ванной комнаты с ванной на ножках и большого открытого чердачного помещения – пол дощатый, местами прикрытый древним линолеумом. Отсюда видна кровля – балки и утеплитель между ними. Балки и пол темные, и все же пространство кажется очень светлым. Слуховые окна застеклены, из них открывается вид на залив и марину за ним.

Чердак набит коробками и мебелью, в такой тесноте даже перемещаться трудно. В углу длинная вешалка, накрытая полиэтиленовым чехлом на молнии. Несколько комодов из кедра, таких огромных, что Молли не может понять, как их сюда затащили, стоят у стены, рядом со стопкой больших чемоданов. Над головой крошечными лунами светятся несколько голых лампочек.

Вивиан бредет между картонными коробками, проводит кончиками пальцев по крышкам, вглядывается в загадочные ярлыки: «Магазин, 1960-», «Нильсены», «Ценные вещи».

– Полагаю, ради этого люди и заводят детей, – размышляет она. – Чтобы было кому разобирать хлам, который останется после них.

Молли оглядывается на Терри, но та с угрюмой отрешенностью качает головой. Возможно, думает Молли, Терри так долго саботировала эту затею не только из-за лишней работы, но и чтобы избежать сопряженных с нею соплей.

Молли тайком бросает взгляд на телефон и выясняет, что время 16.15, с момента ее прихода прошло всего пятнадцать минут. Сегодня ей полагается пробыть здесь до шести, а потом приходить на два часа четыре раза в рабочие дни, а в выходные – на четыре, пока, ну пока она не отработает положенное или Вивиан не помрет, трудно сказать, что случится раньше. По ее расчетам, на эту тягомотину уйдет примерно месяц. В смысле на то, чтобы отработать положенное, а не угробить Вивиан.

Хотя, если и следующие сорок девять часов сорок пять минут окажутся такими же тягостными, она, возможно, и не выдержит.

В школе на уроках американской истории они говорили о том, что основателями США, по сути, стали контрактные работники. Учитель, мистер Рид, объяснил, что в семнадцатом веке почти две трети переселенцев из Англии приезжали именно так: обменивали многие годы

своей свободы на обещание – потом – лучшей жизни. Большинству из них еще не было двадцати одного.

Молли решила относиться к этой истории как к контрактной работе: каждый отработанный час немного приближает ее к свободе.

– Хорошо бы навести здесь порядок, Виви, – лопочет Терри. – Ладно, я пошла белье стирать. Если что – зовите!

Она кивает Молли, будто говоря: «Ни в чем себе не отказывай!», и уходит вниз по ступеням.

О том, из чего состоит работа Терри, Молли знает все.

– Ты прямо как я в спортзале, мам, – поддразнивает ее Джек. – Сегодня – бицепсы, завтра – косые мышцы.

Терри редко отступает от ею же заведенного распорядка; в таком огромном доме, говорит она, нужно делить территорию и задачи: в понедельник – спальни и стирка, во вторник – туалеты и растения, в среду – кухня и магазины, в четверг – все остальные комнаты, в пятницу – еда на выходные.

Молли пробирается между коробок, заклеенных блестящей бежевой лентой, подходит к окну, приоткрывает его. Даже здесь, на верхнем этаже огромного старого дома, воздух пахнет солью.

– Они ведь расставлены как попало, да? – спрашивает она у Вивиан, оборачиваясь. – А давно они здесь?

– Я к ним не прикасалась после переезда. То есть...

– Двадцать лет.

Вивиан жестко улыбается:

– А ты слушала.

– А вас никогда не подмывало просто сгрузить их в мусорный бак?

Вивиан поджимает губы.

– Простите, я не хотела. – Молли морщится, понимая, что переборщила.

Так, она тут все-таки работает, нужно настроиться соответственно. Откуда в ней такая враждебность? Вивиан ничего ей не сделала. Наоборот, помогла. Без Вивиан она бы катилась по темному туннелю к вещам и вовсе паршивым. Но ей почему-то нравится лелеять и взращивать свою неприязнь. Ведь это чувство – что весь мир настроен против нее – можно всячески смаковать, а главное – контролировать. То, что она вступила на заветную стезю воришки и преступницы, а теперь продана этой утонченной белой дамочке со Среднего Запада, подходит ей так, что и не описать.

Вдох – выдох. Улыбочка. Следуя совету Лори, назначенной судом соработницы, с которой они встречаются раз в две недели, Молли решает мысленно составить список, что она усматривает хорошего в этой ситуации. Ну посмотрим. Первое – если она выдержит до конца, судимость на нее не повесят. Второе – на данный момент ей есть где жить, пусть там напряженно и ненадежно. Третье – если уж тебя засадили на пятьдесят часов на неутепленный чердак в Мэне, радуйся, что это произошло весной. Четвертое – Вивиан, конечно, дряхлая, но из ума вроде не выжила.

Пятое – кто знает, а вдруг в этих коробках действительно окажется что-то интересное?

Нагнувшись, Молли читает ближайшие ярлыки.

– Думаю, лучше разбирать в хронологическом порядке. Так, вот на этой написано «Вторая мировая». Есть что-нибудь раньше?

– Да. – Вивиан протискивается между двумя штабелями и направляется к комодам из кедра. – Кажется, самые ранние вещи здесь. Вот только эти ящики не сдвинешь. Придется начинать в этом углу. Ты не против?

Молли кивает. Внизу Терри выдала ей дешевый нож-пилку с пластмассовой ручкой, скользкую стопку белых полиэтиленовых пакетов для мусора и блокнот на пружинке с прицепленной к нему ручкой – вести, как она выразилась, «опись». Молли берет нож и взрезает ленту на коробке, на которую указала Вивиан: «1929–1930 гг.». Вивиан терпеливо ждет, сидя на деревянном сундуке. Откинув клапаны, Молли разворачивает горчичного цвета упаковочную бумагу, и Вивиан морщится.

– Боже всемогущий, – говорит она, – неужели я не выкинула это пальто? Всегда его терпеть не могла.

Молли вытаскивает пальто, осматривает. На самом деле интересно: в армейском стиле, с крупными черными пуговицами. Серая шелковая подкладка почти совсем истлела. Молли осматривает карманы, достает сложенный листок разлинованной бумаги, протершийся на сгибах. Разворачивает – на нем строки, написанные аккуратным детским почерком, выцветшим карандашом, одна и та же фраза, явно в качестве упражнения: «Прямой и правильный путь правоты. Прямой и правильный путь правоты. Прямой и правильный путь правоты. Прямой и правильный...»

Вивиан берет у нее листок, разглаживает на колене:

– Помню. У мисс Ларсен был неподражаемый почерк.

– У вашей учительницы?

Вивиан кивает:

– Я, сколько ни старалась, не могла вывести буквы так, как она.

Молли смотрит на безупречные дуги, четко и ровно встающие на строку.

– По-моему, очень здорово. Это вы мои каракули не видели.

– Теперь, как я слышала, этому вообще не учат.

– Да, теперь все в компьютере. – Молли вдруг поражает мысль, что ведь Вивиан написала эти слова на листке бумаги больше восьмидесяти лет назад. «Прямой и правильный путь правоты». – С тех пор как вы были в моем возрасте, многое изменилось, да?

Вивиан склоняет голову набок:

– Видимо, да. Но лично на меня это повлияло несильно. Я по-прежнему сплю на кровати. Сажу на стуле. Мою посуду в раковине.

Вернее, Терри моет посуду в раковине, уточняет про себя Молли.

– Телевизор я смотрю редко. Компьютера, как ты знаешь, у меня нет. Жизнь моя, по сути, не изменилась за последние двадцать, а то и сорок лет.

– Вот и зря, – выпаливает Молли и тут же жалеет об этом.

Но Вивиан, похоже, не обиделась. Изобразив на лице «да какая разница?», она говорит:

– По-моему, я не очень многое упустила.

– Беспроводной интернет, цифровая фотография, смартфоны, «Фейсбук», «Ютуб»... – Молли загибает пальцы на руке. – Мир сильно переменялся за последние десять лет.

– Мой – нет.

– Вы очень многое теряете.

Вивиан смеется:

– Что-то мне не кажется, что Фейстуб, или как его там, сильно улучшил бы мою жизнь.

Молли трясет головой:

– «Фейсбук». И «Ютуб».

– Да хоть бы и так! – говорит Вивиан безразлично. – Мне все равно. Мне моя тихая жизнь нравится.

– Но во всем должно быть равновесие. Я, честно говоря, не понимаю, как вы существуете в этом... пузыре.

Вивиан улыбается:

– А ты не боишься высказывать собственное мнение.

Ей это и раньше не раз говорили.

– Зачем же вы сохранили это пальто, если вы его терпеть не могли? – спрашивает Молли, чтобы сменить тему.

Вивиан берет его, держит перед собой:

– Очень хороший вопрос.

– Отдаем на благотворительность?

Вивиан складывает пальто на коленях и говорит:

– Да... пожалуй. Давай поглядим, что еще в этой коробке.

Поезд в Милуоки 1929 год

Последнюю ночь в поезде я сплю плохо. Кармин несколько раз просыпался, ерзал и капризничал, как я ни пыталась его укачать, он довольно подолгу плакал и будил соседей. Когда желтыми полосами пришел рассвет, он наконец заснул, положив голову на подогнутую ногу Голландика, а пятки – мне на колени. У меня сна ни в одном глазу, разгулявшиеся нервы придают бодрости, я прямо чувствую, как сердце перекачивает кровь.

Все это время я ходила с неряшливым хвостом, но тут развязываю старенькую ленточку, распускаю волосы по плечам, расправляю пальцами, приглаживаю кудряшки у лица. Потом стягиваю снова, как можно туже.

Поворачиваюсь, вижу, что Голландик смотрит на меня.

– Красивые у тебя волосы.

Я прищуриваюсь в темноте, пытаюсь понять, дразнится он или нет, а он смотрит на меня сонными глазами.

– Несколько дней назад ты говорил совсем другое.

– Я говорил «кому ты такая нужна».

Мне хочется отпихнуть его с его добротой и честностью.

– Уж какая есть, такая есть, – говорит он.

Я вытягиваю шею: не слышит ли нас миссис Скетчерд, но впереди никакого движения.

– Давай дадим слово, что потом отыщем друг друга, – говорит он.

– Это как? Мы, скорее всего, окажемся в разных местах.

– Знаю.

– И мне дадут другое имя.

– Мне, наверное, тоже. Но попытаться-то можно.

Кармин переворачивается, поджимает ножки и вытягивает ручки – мы сдвигаемся, чтобы ему было удобнее.

– Ты веришь в судьбу? – спрашиваю я.

– А это что за штука?

– Что все решено заранее. А ты, ну... просто живешь, как тебе предписали.

– У Бога все предначертано заранее.

Я киваю.

– Не знаю. Я не люблю строить планы.

– Я тоже.

Мы оба смеемся.

– Миссис Скетчерд говорит, мы можем начать с чистого листа, – говорю я. – Забыть о прошлом.

– О прошлом я забуду, без вопросов. – Он поднимает свое одеяло, упавшее на пол, и укрывает Кармина, который лежит частично голышом. – Но забывать все я не хочу.

В окно видно три ряда рельсов, параллельных нашим, бурых и серебристых, а за ними широкие и плоские вспаханные поля. Небо чистое, голубое. В вагоне пахнет подгузниками, потом и кислым молоком.

В голове вагона миссис Скетчерд поднимается во весь рост, потом наклоняется, чтобы переговорить с мистером Кураном, и рапрямляется снова. На ней ее черный чепец.

– Так, дети, подъем! – говорит она, оглядываясь, и несколько раз хлопает в ладоши. Утреннее солнце поблескивает на стеклах очков.

Вокруг раздаются тихие вздохи и ворчание. Те, кому повезло поспать, потягиваются – у них онемели руки и ноги.

– Пора привести себя в порядок. У каждого из вас в чемодане есть смена одежды; чемоданы, как вы помните, на багажной полке. Старшие, помогите, пожалуйста, младшим. Нет нужды напоминать, как важно с первого же момента произвести хорошее впечатление. Умытые личики, расчесанные волосы, заправленные рубашки. Блестящие глаза, улыбки. Не ерзать, не дотрагиваться до лица. А говорить что нужно, Ребекка?

Это мы уже выучили.

– Пожалуйста и спасибо, – произносит Ребекка едва слышно.

– Пожалуйста и спасибо, а дальше?

– Пожалуйста и спасибо, мадам.

– Не заговаривайте, пока не заговорят с вами, и не забывайте отвечать «пожалуйста и спасибо, мадам». Когда нужно заговаривать, Эндрю?

– Когда с вами заговорят?

– Правильно. Не ерзать и что еще не делать, Норма?

– Не трогать лицо, мадам. Мадам, мадам.

Вокруг хихикают. Миссис Скетчерд окидывает всех свирепым взглядом.

– Вам смешно, да? Только, боюсь, будет не смешно, когда все взрослые скажут: нет, спасибо, не нужен мне невоспитанный, неопрятный ребенок, и вам придется сесть обратно в поезд и ехать дальше. Вы как считаете, мистер Куран?

Мистер Куран, услышав свое имя, вскидывает голову.

– Я согласен, миссис Скетчерд.

В вагоне тишина. Нам даже думать не хочется о том, что нас никто не выберет. Маленькая девочка в ряду за мной начинает плакать, и скоро отовсюду доносятся приглушенные всхлипывания. В голове вагона миссис Скетчерд хлопает в ладоши и складывает губы в подобие улыбки.

– Ну же, ну же. Не надо так. Как и почти в любой другой жизненной ситуации, вы, скорее всего, добьетесь успеха, если будете вежливы и подадите себя с лучшей стороны. Добрые жители Миннеаполиса соберутся сегодня в зале ожидания, и у всех у них есть серьезные намерения забрать одного из вас домой, а может, и не одного. Девочки, помните, ленточки нужно завязать аккуратно. Мальчики, умыться и причесать волосы. Застегнуть рубашки как следует. Когда мы сойдем с поезда, построиться в шеренгу. Не заговаривать, пока не заговорят с вами. Короче говоря, вы будете делать все от вас зависящее, чтобы взрослым было проще вас выбрать. Вам это понятно?

Солнце светит так ярко, что приходится щуриться, от него жарко, я перебираюсь на среднее сиденье, подальше от пылающего окна, и забираю Кармина на колени. Мы проезжаем под мостами, тормозим у станций, свет мигает, а Кармин играет с тенями, хлопая ручкой по моему белому переднику.

– У тебя, скорее всего, все сложится хорошо, – тихо говорит Голландик. – По крайней мере, не будешь корячиться на ферме.

– Это пока еще неизвестно, – говорю я. – Да и насчет тебя тоже.

Вокзал Милуоки, Миннеаполис 1929 год

Визжа тормозами, поезд останавливается у перрона, выпускает облако пара. Кармин притих, рассматривает здания, провода, людей за окнами – ведь многие сотни миль мы видели только поля и деревья.

Мы встаем и собираем свои вещи. Голландик снимает с полки наши чемоданы, ставит в проход. В окно видно миссис Скетчерд и мистера Курана, они разговаривают на платформе с двумя мужчинами в костюмах, при галстуках, в черных шляпах, за ними стоят несколько полицейских. Мистер Куран пожимает им руки, потом поводит рукой в нашу сторону – мы как раз начинаем выходить из поезда.

Хочется что-нибудь сказать Голландику, но я не знаю что. Ладони взмокли. Жуткое чувство неопределенности – мы шагаем в неведомое. Последний раз я чувствовала себя так же в зале ожидания на Эллис-Айленд. Мы все устали, маме нездоровилось, мы не знали, куда попадем и как сложится наша жизнь. Но теперь-то я понимаю: одна вещь оставалась тогда данностью – у меня была семья. Я сознавала: что бы ни случилось, мы будем вместе.

Полицейский дует в свисток, поднимает руку – мы понимаем, что это знак построиться. Тяжесть Кармина на руках, его горячее дыхание на щеке, чуть липкое и кисловатое от выпитого утром молока. Голландик тащит наши чемоданы.

– Дети, поживее, – говорит миссис Скетчерд. – В две ровные шеренги. Так, хорошо. – Голос ее звучит мягче обычного, я пытаюсь понять: из-за того, что вокруг много других взрослых, или из-за того, что она знает, что нас ждет. – Сюда.

Вслед за ней мы поднимаемся по широкой каменной лестнице; топот наших жестких подметок по ступеням разносится эхом, точно барабанная дробь. С верхней ступени мы вступаем в коридор, освещенный газовыми рожками, а потом в главный зал ожидания вокзала, не такой роскошный, как в Чикаго, но все равно впечатляющий. Просторное, светлое помещение, большие окна с частым переплетом. Впереди, за спиной миссис Скетчерд, полощется парусом ее черный плащ.

Дожидающиеся внутри люди перешептываются, указывают пальцами; интересно, знают ли они, зачем мы здесь. А потом на глаза мне попадает большой плакат, закрепленный на колонне. На белой бумаге крупными черными буквами написано:

РАЗЫСКИВАЮТСЯ

Семьи для сирот.

Группа бездомных детей с Востока
прибудет

на Центральный вокзал Милуоки в пятницу,
18 октября.

Распределение состоится в 10 утра

Дети разного возраста, обоих полов,

оставшиеся без опеки в суровом мире...

– Что я говорил? – хмыкает Голландик, проследив за моим взглядом. – Как свиней на рынке.

– Ты умеешь читать? – спрашиваю я удивленно, а он ухмыляется.

У меня в спине будто повернули заводную ручку – я бросаюсь вперед, так, что ноги не поспевают. Станционный шум превращается в ушах в приглушенный рев. Пахнет чем-то сладким – засахаренные яблоки? – мы проходим мимо тележки торговца. Волосы на шее намокли, я чувствую, как по спине сбегает струйка пота. Кармин сделался ужасно тяжелым. Как странно,

думаю я: я оказалась в месте, которого мои родители никогда не видели и не увидят. Как странно: я здесь, а они умерли.

Дотрагиваюсь до крестика на шее.

Мальчишки постарше перестали бузить. Маски сброшены: на их лицах я вижу страх. Некоторые из ребят шмыгают носами, но по большей части все очень стараются вести себя совсем тихо и делать то, что от них ожидается.

Впереди у большой дубовой двери стоит, сжав перед собой руки, миссис Скетчерд. Мы подходим к ней, становимся полукругом, девочки постарше несут младенцев, малыши держатся за руки, мальчишки засунули ладони в карманы.

Миссис Скетчерд наклоняет голову:

– Мария, Мать Божия, обрати свой милостивый взор на этих детей, укажи им верный путь и даруй благословение в начале их жизни. Мы – твои смиренные служители во имя Его. Аминь.

– Аминь, – быстро повторяют немногие набожные, а за ними и все остальные.

Миссис Скетчерд снимает очки.

– Мы достигли цели. Отсюда, с Божьей помощью, вы отправитесь в семьи, где в вас нуждаются и ждут вас. – Она прочищает горло. – Помните, не всем и не сразу удастся найти подходящую семью. Это обычное дело, и переживать тут не о чем. Если вас не возьмут здесь, вы сядете обратно в поезд, вместе со мной и мистером Кураном, и мы поедем до следующей станции, примерно в часе пути. А если вы и там не найдете себе дом, мы двинемся дальше.

Соседи мои переминаются с ноги на ногу как перепуганные овцы. В желудке у меня пусто и все дрожит.

Миссис Скетчерд кивает.

– Итак, мистер Куран, мы готовы?

– Да, миссис Скетчерд, – отвечает он, налегает плечом на тяжелую дверь, распахивает ее.

Мы в дальнем конце большого зала, обшитого деревянными панелями, в нем клубятся люди и стоят рядами пустые стулья. Миссис Скетчерд ведет нас по центральному проходу к низкой сцене в глубине; присутствующие примолкают, потом поднимается тихий гул. Те, кто стоит в проходе, сторонятся, давая нам пройти.

Может, кто-нибудь здесь меня и возьмет, думаю я. Может, у меня будет жизнь, о какой я и не мечтала, – в светлом уютном доме, где всегда много еды: теплые пироги, чай с молоком, и сахара туда можно положить сколько захочешь. И все же, поднимаясь по ступеням на сцену, я вся дрожу.

Нас выстраивают по росту, начиная с самых маленьких; некоторые по-прежнему держат малышей на руках. Голландик старше меня на три года, но я высока для своего возраста, так что между нами оказывается всего один мальчик.

Прочистив горло, мистер Куран начинает произносить речь. Я разглядываю его и замечаю горящие щеки и кроличьи глаза, обвисшие каштановые усы и кустистые брови, живот, выпирающий из-под жилета, как плохо спрятанный воздушный шарик.

– Несложные формальности, – обращается он к добрым гражданам Миннесоты, – это все, что отделяет вас от детей на этой сцене, сильных, здоровых, вполне способных помогать на ферме и дома по хозяйству. В ваших силах спасти их от одиночества, нищеты, и, полагаю, миссис Скетчерд согласится, если я добавлю к этому списку беззаконие и грех.

Миссис Скетчерд кивает.

– Итак, вы можете сделать доброе дело, причем не без выгоды для себя, – продолжает мистер Куран. – В ваши обязанности входит кормить, одевать и обучать ребенка до достижения им восемнадцати лет, равно как, разумеется, и обеспечивать его религиозное воспитание – мы же от души надеемся, что вы не просто будете испытывать к нему приязнь, но и со временем

станете относиться к нему как к родному. Ребенок, которого вы выберете, бесплатно поступает в ваше распоряжение на срок в девяносто дней, – добавляет он. – После этого вы по желанию можете отправить его обратно.

Девочка, которая стоит со мной рядом, тихо скулит, будто собачонка, и втискивает свою руку в мою. Ладонка у нее холодная и мокрая, точно лягушачья спина.

– Не переживай, все будет хорошо... – начинаю я, но она смотрит на меня с таким отчаянием, что я осекаюсь.

Прямо на наших глазах посетители строятся в ряд, начинают подниматься на сцену – и я чувствую себя коровой на сельскохозяйственной выставке в Кинваре, куда меня когда-то возил дед.

И вот передо мной стоит молодая светловолосая женщина, худенькая и бледная, а рядом с ней серьезного вида мужчина с подрагивающим кадыком, в фетровой шляпе. Женщина делает шаг вперед.

– Можно?..

– Простите? – переспрашиваю я, не поняв.

Она протягивает руки. А, ее заинтересовал Кармин.

Он бросает на нее взгляд, а потом утыкается лицом мне в шею.

– Он застенчивый, – объясняю я.

– Привет, малыш, – говорит она. – Как тебя зовут?

Он отказывается поднимать голову. Я слегка встряхиваю его.

Женщина поворачивается к мужчине и говорит негромко:

– Глаза ведь можно будет вылечить, правда?

А он отвечает:

– Не знаю. Скорее всего.

На нас смотрит еще одна пара. Она полная, с нахмуренным лбом, в грязном переднике; у него пряди волос зачесаны поперек костистого лба.

– Как тебе эта? – спрашивает он, указывая на меня.

– Не нравится, – отвечает женщина, поморщившись.

– Вы ей тоже не больно нравитесь, – произносит Голландик, и мы все оборачиваемся к нему в изумлении. Мальчик, что стоит между нами, отпатывается назад.

– Что ты сказал? – Мужчина подходит к Голландику, встает перед ним.

– Ваша жена не имеет права так о ней говорить. – Голландик не повышает голоса, но я слышу каждое слово.

– А это не твоего ума дело, – объявляет мужчина, приподняв указательным пальцем подбородок Голландика. – Моя жена может о вас, подзаборниках, говорить что хочет.

Раздается шелест, всплеск черного плаща – и, точно змея из кустов, откуда-то выныривает миссис Скетчерд.

– Что-то не так? – говорит она тихо, но властно.

– Этот мальчишка нахамил моему мужу, – заявляет женщина.

Миссис Скетчерд смотрит на Голландика, потом на пару.

– Ханс... мальчик бойкий, – произносит она. – Не всегда думает, прежде чем открыть рот. Простите, не расслышала ваше имя...

– Барни Маккаллум. А это моя жена Ева.

Миссис Скетчерд кивает.

– Что нужно сказать мистеру Маккаллуму, Ханс?

Голландик смотрит под ноги. Я знаю, что он хочет сказать. Мы и все бы это сказали.

– Простите, – бормочет он, не поднимая головы.

Пока разворачивалась эта сцена, худенькая блондинка гладила пальцами ручку Кармина, и вот, все еще прижавшись ко мне, он наконец-то глянул на нее сквозь ресницы.

– Ты у нас прелесть, да? – Она слегка тыкает его в животик, он робко улыбается.

Женщина смотрит на мужа:

– Думаю, его и возьмем.

Я чувствую, что на нас смотрит миссис Скетчерд.

– Хорошая тетя, – шепчу я Кармину в ушко. – Она хочет стать твоей мамой.

– Мама, – произносит он, дохнув на меня теплом. Глазенки круглые, блестящие.

– Его зовут Кармин. – Я отрываю цепкие ручонки от своей шеи, зажимаю их в своей ладони.

От женщины пахнет розами – так пахли пышные белые цветы на дорожке возле бабушкиного дома. Сложения она хрупкого, будто птичка. Кладет руку Кармину на спину, он еще крепче прижимается ко мне.

– Ничего страшного... – начинаю я, но слова разламываются в горле.

– Нет, нет, нет, – сопротивляется Кармин.

Я сейчас упаду в обморок.

– А вам не нужна девочка в помощницы? – выпаливаю я. – Я умею... – Лихорадочно вспоминаю, что же я умею. – Штопать. И готовить.

Женщина смотрит на меня с жалостью.

– Ах, деточка, – говорит она, – ты уж прости нас. Двое нам не по средствам. Мы... мы пришли за малышом. Я уверена, ты тоже найдешь... – Голос иссякает. – Мы хотим взять в семью малыша.

Я сглатываю слезы. Кармин чувствует: во мне что-то изменилось, и начинает хныкать.

– Иди к новой маме, – говорю я и отрываю его от себя.

Женщина неловко берет его, прилаживает на руках. Не привыкла она держать детей. Я протягиваю руку, пристраиваю его ножку ей под локоть.

– Спасибо, что присмотрела за ним, – говорит она.

Миссис Скетчерд ведет их со сцены к столу, где лежат документы, темная головка Кармина лежит у женщины на плече.

Одного за другим соседей моих разбирают. Мальчик, стоявший рядом, уходит с низкорослой толстушкой, которая заявила, что давно ей пора обзавестись мужчиной в доме. Девочку, скулившую по-собачьи, уводит элегантная пара, оба в шляпах. Мы с Голландиком стоим рядом и тихонько переговариваемся, и тут подходит мужчина, загорелый и морщинистый, – лицо напоминает старую подметку, а за ним следом угрюмая женщина. Мужчина останавливается перед нами, протягивает руку, ощупывает бицепс Голландика.

– Что вы делаете? – спрашивает тот с удивлением.

– Открой рот.

Я вижу, что Голландику очень хочется затеять драку, но рядом стоит и смотрит мистер Куран, – не получится. Мужчина засовывает грязный палец Голландику в рот. Голландик дергает головой.

– Снопы вязал когда? – спрашивает мужчина.

Голландик тарашится перед собой.

– Не расслышал, что ли?

– Нет.

– Нет – в смысле не расслышал?

Голландик переводит взгляд на него.

– Снопы никогда не вязал. Вообще не знаю, что это такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.